САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА
ОЛЕГ КОЖИН
РАССВЕТ
ТЫ НЕ ПРОСНЁШЬСЯ

Самая страшная книга

Олег Кожин

Рассвет

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кожин О. И.

Рассвет / О. И. Кожин — «Издательство АСТ», 2019 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-114048-9

Чего вы боитесь? Замкнутого пространства? Смерти? Или жизни, которая проходит мимо вас?.. Загляните внутрь своей тьмы. Признайте своих демонов. Лишь в этом случае вы увидите рассвет… Книга, во время чтения которой вы точно не захотите спать. Редакция «Астрель-СПб» и Horror Web представляют: официальная новеллизация нашумевшего хоррора «Рассвет» от создателей хитов «Пиковая дама: Черный обряд» и «Невеста» – и от писателя Олега Кожина, одного из лучших рассказчиков страшных историй в нашей стране. У главной героини при загадочных обстоятельствах погибает брат. Девушку начинают преследовать реалистичные кошмары, и она отправляется в институт сомнологии, где ее вместе с другими пациентами погружают в совместное осознанное сновидение. Но после наступления рассвета они проснутся совсем в другой реальности. Реальности, которая страшнее любого кошмара… NOTA BENE: Без спойлеров! Сюжеты фильма и книги, следуя общей канве, значительно отличаются, так что не бойтесь читать книгу, если уже посмотрели фильм, – и не бойтесь смотреть фильм, если прочтете книгу. Бойтесь иного. Бойтесь Безликого.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-114048-9

© Кожин О. И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

К постоянным читателям серии «Самая страшная книга» 7
Глава первая. Кошмар начинается 10
Глава вторая. После Антона 21
Глава третья. Ночь Безликого 32
Глава четвертая. Лаберин 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Олег Кожин
Рассвет

© ООО «Форс Медиа», текст, 2019
© ООО «Форс Медиа», иллюстрации, обложка, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

К постоянным читателям серии «Самая страшная книга»

Обращение М. С. Парфенова

Те из вас, кто взял в руки эту книгу лишь потому, что ранее посмотрел фильм ужасов «Рассвет», – можете смело перелистнуть следующие пару страниц и сразу приступить к чтению. Надеюсь, что потом вы познакомитесь и с другими книгами нашей серии. Поверьте, у нас в ССК – много, много разных сладких кошмаров, в которые можно нырнуть с головой… Главное потом вынырнуть, хе-хе-хе.

Надеясь на лучшее, с киноманами не прощаюсь. Но прямо сейчас я бы хотел обратиться к другим людям. К тем из вас, кто раскупил больше пятидесяти тысяч предыдущих «страшных книг», кому не надо отдельно представлять ни М. С. Парфенова, ни Олега Кожина – ведь мы с вами уже давно знакомы.

Может быть, с кем-то даже знакомы лично. В прошлом году у нас состоялось несколько приятных встреч с читателями в Москве, а в конце октября – на Хеллоуин, разумеется, – в Санкт-Петербурге прошел первый в истории «Самый страшный фестиваль». Там же, тогда же я впервые и объявил о том, что в серии «Самая страшная книга» будет издана новеллизация нового российского фильма.

Олег в то время как раз заканчивал работу над первым черновиком романа, так что безвылазно торчал в Петрозаводске и, понятное дело, в питерском празднике ужасов не участвовал. Зато там побывал режиссер «Рассвета» Павел Сидоров, который представил публике свой фильм и пообщался с гостями и участниками феста. И, конечно, это просто случайное совпадение, что такому приятному молодому человеку вопросы задавали сплошь представительницы прекрасного пола… А уже потом, в перерыве между мероприятиями (после выступления Сидорова желающие еще смогли опробовать очки виртуальной реальности для просмотра специального промо-видео фильма, а затем состоялись конференция с авторами «Самой страшной книги» и вручение премий «Мастера ужасов»), удалось перекинуться с Павлом парой слов и мне.

Это был совсем короткий разговор в курилке неподалеку от входа в магазин «Буквоед» на Невском. Вечерело, на город опускались сумерки. В Петербурге в это время года холодно, как в ледяном сердце Дантова ада. Ночью мне еще предстояло ехать поездом обратно в Москву, а Паша уже торопился на другое важное мероприятие. В общем, нам обоим было не слишком удобно вести долгие обстоятельные беседы. Но иногда люди как раз в таких ситуациях, что называется «на бегу», могут сказать нечто по-настоящему важное. Как раз потому, что придумывать, формулировать что-то новое в подобных обстоятельствах нет времени, и ты просто озвучиваешь какие-то мысли, которые уже давно крутились в голове.

Павел сказал мне, имея в виду при этом всех нас, пишущих хоррор на русском авторов: «Пишите, ребята! Нам в кино жуть как не хватает литературного материала, который мог бы послужить основой для хороших фильмов, а без хорошей истории в этом деле – никуда».

Видит бог, это правда. Без хорошей истории не получится ни хорошей книги, ни хорошего фильма. Здорово, что все больше людей это понимают, ведь схожие мысли ранее высказывал и продюсер «Рассвета» Владислав Северцев. Влад, кстати, проводит ежегодный конкурс сценарных заявок («Рассвет» снят как раз по сценарию, победившему в таком конкурсе) и все чаще обращается к авторам «Самой страшной книги» в поисках идей и сюжетов. И не он один, разумеется: хоррор в последние годы стал интересен очень и очень многим людям из мира кино и телевидения.

Вопрос в том, насколько интересно это может быть другой стороне, то есть нам, писателям и читателям?

Лично я считаю, что сотрудничество между сочинителями страшных историй и теми, кто снимает фильмы и сериалы (а также делает игры, рисует комиксы et cetera, et cetera), не просто имеет право на жизнь. За ним – будущее жанра.

Кто-то лучше управляется с камерой, кто-то – с пером. Разумеется, мы и дальше можем жить и работать сами по себе, но любые формы коллаборации в нашем общем деле будут способствовать развитию самого жанра. И это даже нет нужды доказывать, потому что «велосипед» уже давно изобретен: достаточно просто вспомнить историю хоррора зарубежного.

Среди первых фильмов ужасов мы найдем экранизации «Франкенштейна» и «Дракулы». Среди сценаристов сериала «Сумеречная зона» увидим писателей Ричарда Матесона и Роберта Блоха (произведения обоих также были экранизированы, став знаменитыми фильмами). «Челюсти» Спилберга и недавний хит «Мег: Монстр глубины» сняты по книжным бестселлерам. Новый слэшер «Хеллоуин», равно как и новый «Хищник» получили официальные новеллизации. А роман «Звонок» Кодзи Судзуки породил целое направление в жанре – j-horror.

Зная и помня все это, я уже давно думал о том, что движение литераторов и кинематографистов навстречу друг другу обязательно должно помочь и тем и другим. Главное, сделать правильный выбор, наладить контакт с правильными людьми – чтобы не вышло так, что крепкий фильм новеллизирует бездарный автор или, наоборот, талантливый писатель взялся бы за новеллизацию отвратительного кино.

Как раз тут свою роль довелось сыграть и мне. Северцева, который ранее спродюсировал самые успешные российские кинохорроры «Пиковая дама: Черный обряд» и «Невеста», я знаю уже два года. С Олегом Кожиным мы знакомы и того дольше. В таланте и устремленности их обоих – нисколько не сомневаюсь. Дело было за малым – свести двух одаренных и неравнодушных к ужасам и мистике людей и помочь им выпустить книгу, за которую ни одному ни другому в итоге не будет стыдно.

Сделать это оказалось не так уж и легко… На самом деле на тот момент, когда я со сцены кафе-читальни «Буквоеда» вещал о том, что мы скоро выпустим новеллизацию «Рассвета» – у нас еще не было никакого одобрения от издательства. Так что, делая публичную рекламу книге, которая вообще могла никогда не выйти, я рисковал. Как рискует и редакция «Астрель-СПб», потому что далеко не всякая новеллизация пользуется успехом. Как решили рискнуть, поддавшись на мои уговоры, Влад и Олег. И – поскольку прежде в «Самой страшной книге» мы никогда не выпускали таких романов – рискуете, конечно, и вы, наши читатели.

Но ужасы кажутся мне именно тем жанром, в котором без риска не обойтись – ровно так же, как в кино не обойтись без хороших историй. В конце концов, мы пишем книги (снимаем фильмы, делаем игры и т. д.) о том, что нас пугает, что представляет угрозу. С риском был связан и выход нашей самой первой «Самой страшной книги 2014», и создание антологий «13 маньяков» и «13 ведьм», в итоге ставших бестселлерами. Когда идешь непроторенными тропинками русского хоррора – неудачи поджидают за каждым кустом, и многое зависит от твоей прыти и смекалки. Первые авторские сборники в нашей серии («Запах», «Зона ужаса») было сложно издать из-за высоких рисков. Первый роман («Фаталист» Виктора Глебова) оказался, с коммерческой точки зрения, провалом, хотя я по-прежнему считаю его отличным увлекательным хоррор-чтивом. Но теперь у того же Глебова появилась отдельная авторская серия, в ССК мы готовим к изданию уже пятый авторский сборник, а «Рассвет» стал уже третьим сольным романом в серии. И на подходе еще один интересный проект – «серия-спутник» самых страшных книг, в которой будут издаваться небольшие, но очень крутые и интересные (и страшные!) романы ужасов.

И если вам покажется удачным наш новый эксперимент – новеллизация фильма «Рассвет», – то и эту историю мы обязательно продолжим.

Друзья – вместе с нами вы прошли долгий путь, так что позвольте называть вас «друзьями» и надеяться, что вы доверяете нам, доверяете мне как своему другу – друзья, от лица всей команды, трудившейся над изданием этой книги, я желаю вам приятного чтения. И мы будем рады прочитать ваши отзывы и рецензии как на фильм «Рассвет», так и на одноименную книгу. Ведь знаете, что еще интересно? Мы специально сделали так, что сюжеты фильма и книги, имея общую канву, значительно расходятся во многих деталях. И нам, конечно, любопытно, какая из версий этой истории вам понравится больше.

Глава первая. Кошмар начинается

ДНЕВНИК АНТОНА
(Ноябрь чт. – пт.)

Это сновидение я решил назвать «Мама». Варианты рассматривал разные: «Госпиталь», «Побег», а также кучу других, куда менее удачных. Я остановился на «Маме», потому что эта сцена – единственная точка во времени и пространстве, где я снова могу ее увидеть. Уверенность зрела давно, но все окончательно подтвердилось только сегодня. Снова с четверга на пятницу.

Есть дурацкое суеверие, что сны, увиденные в такую ночь, непременно сбываются. Чушь собачья, заявляю ответственно. Два года осознанных сновидений не дадут соврать. Ни разу ничего не сбылось. Зато благодаря этой бабкиной примете я наконец заметил цикличность. Пролистал старые записи – так и есть: чаще всего «Мама» приходит именно с четверга на пятницу. Уж не знаю, с чем это связано.

Я пытался вызывать этот сон в другие дни – впустую. Не помогла даже полная осознанность действий. Образ мамы словно заключен в этом диковатом отрезке, похожем на сцену из фильма ужасов. Он приходит, когда пожелает сам, и, я думаю, это не случайно. Сегодня он приходил снова.

Снилась мама. Странно, я ведь почти не помню, какой она была, только по фотографиям. Ее мимика, пластика движений – все давным-давно стерлось из памяти. Однако во сне движения и эмоции конструировались убедительно и достоверно.

Заметки на полях:
Т. е. будь мама жива, уверен, она бы двигалась и говорила именно так.

Мы снова находились в каком-то госпитале. Так я прозвал эту локацию. Именно госпиталь – такое слово приходит на ум при виде старых стен, вытертого тысячами ног кафеля и накрытых простынями тел на громоздких металлических каталках. Даже запах лекарств, формалина и разложения наталкивал на мысли о том, что это какое-то место из прошлого. В современных больницах пахнет иначе. Уж я-то знаю.

Заметки на полях:
Еще одна интересная деталь: обоняние работало на полную.

Настолько, что, пробудившись, я еще некоторое время очень явственно ощущал неприятные ароматы госпиталя.

Это первый сон, в котором я реально почувствовал запах.

Интересно, что об этом скажет Лаберин?

Мама выскочила из ниоткуда, изрядно напугав меня. Совсем молоденькая, всего на пару лет постарше, чем на последнем фото. Простоволосая, в больничной сорочке, похожая на призрак. Живот большой, мама вот-вот разродится, но во сне мне никак не удавалось вспомнить кем. У меня есть брат? Или сестра?

– Антон! Вот ты где!

Паника на ее лице уступила место сосредоточенности. Мама схватила меня за руку – больно, я зашипел от неожиданности – и вскрикнула. Долго, невероятно долго она смотрела на меня: ощупывала взглядом, казалось, готовая в любой момент сорваться испуганной ланью, бросив меня одного в этом жутком месте.

Вероятно, испуг отразился на моем лице. Мама отбросила сомнения и потащила меня на улицу. Она тоже была чем-то сильно напугана. Впрочем, неудивительно. У меня самого от этого места: мрачных коридоров, удушливых запахов, накрытых каталок, стоящих вдоль стен, – мурашки ползли по спине.

– Держись крепче! Не выпускай мою руку! Слышишь? Ни за что не выпускай мою руку!

В зеркале у пустого гардероба я поймал свое отражение. Маленький взъерошенный воробушек, только что очнувшийся ото сна. Лет пяти, от силы шести. Крохотная ладошка тонет в маминой руке. На мне тоже больничный халат. Маленький Каспер рядом с мамой-привидением.

Коридор все тянулся и тянулся. «Разве бывают такие длинные коридоры?» – подумал я во сне. Бесконечные серые стены с редкими проемами дверей и окон, старые шкафы с медицинским оборудованием. Свисающие почти до пола белые простыни и жутковатые абрисы сокрытых под ними трупов. Я похолодел, представив, сколько покойников обитает в этой безразмерной трубе.

Мы бежали мимо них, тяжело дыша и выбиваясь из сил, пока мама вдруг резко не остановилась. С последним шагом будто прорвалась невидимая мембрана, и мы оказались возле лифта. Мама с надеждой бросилась к нему, едва не вывернув мне руку из сустава. Но еще до того, как двери лифта открылись, я услышал странный тревожный стук из кабины. Мама застыла, потрясенная. Попятилась, забыв про меня. Я не сразу понял, что ее напугал не звук, а красный мяч, медленно катящийся к нам из раскрытых створок. При виде безобидной детской игрушки меня пробрала сильная дрожь. Захотелось оказаться как можно дальше от мяча, от нарастающего стука, от страшного лифта, и я повернулся, чтобы бежать.

Крепкая рука, мужская, мертвенно-синяя, с отросшими ногтями, схватила мое запястье. От испуга я даже не смог закричать, лишь громко втянул воздух. Захрипел. Сохраняя очертания лежащего человека, на каталке поднималась простыня. Тело выпрямилось, ткань бесшумно упала вниз, складками легла на поясе. Я опустил голову, спрятал взгляд среди грязных кафельных плиток. Синеватая рука подтягивала меня ближе, а я все не смел взглянуть на неприкрытое мертвое тело.

Собрав остатки храбрости, я попытался вырваться. Обернулся и увидел маму. Далеко-далеко, в самом конце коридора, на другом краю Вселенной, где с жуткой медлительностью открывались двери стучащего лифта.

– Антон! – обреченно закричала мама, протягивая руку.

Но здесь, на этом краю Вселенной, другие руки, мертвые, жесткие, воняющие разложением, тянули меня в темноту. Кто-то невидимый стиснул мое плечо. Схватил за ногу. За больничную рубашку. Когтистая пятерня больно вцепилась в волосы. Тысячи рук, миллионы пальцев тащили меня, и тревожный грохот все усиливался, подменяя стук крови в висках, стук самого сердца. Захрипев, я рванулся в последний раз, на пределе возможностей, до боли напрягая мышцы…

Меня вышвырнуло из сна, как брошенный катапультой снаряд, и я еще долго не мог прийти в себя, мучаясь болью в голове, да и во всем теле. Только часа через два сообразил подойти к зеркалу. Все тело покрывали кошмарные синяки, местами сильно напоминающие следы от пальцев. На макушке, ближе ко лбу, отсутствовал клок волос.

В этот раз я не прошел сон до конца. Нас с мамой остановили гораздо раньше. В прошлый раз нам хотя бы дали выйти из госпиталя. Если так пойдет дальше, то полноценное сновидение, а вместе с ним и последние воспоминания о маме скоро превратятся в невнятный отрывок. Надо найти в себе силы прорвать блокаду. Не просто пройти сон до конца, а сделать это осознанно. Необходимо – пусть это тысячу раз неприятно, пусть больно, ведь я знаю, чем все закончится. Не зря же, выбирая название для этого сновидения, я долгое время всерьез рассматривал другое, более точное. «Смерть мамы».

Багажник оккупировали бутылки. Два здоровенных пакета заняли почти все свободное место и предательски звенели, стоило к ним прикоснуться. Придерживая крышку багажника, Света с сомнением разглядывала покупки.

– Конова?! Але, кисунь, ты чего залипла? – словно бесенок-искуситель, из-за левого плеча вынырнула Настя. – Маловато будет?

– В магазине казалось маловато, – честно призналась Света. – А теперь я не очень-то понимаю, как мы все это осилим. Я ведь даже никого особо не приглашала…

– Ну, во-первых, как устроитель твоей днюхи, о гостях я позаботилась. Уж я-то тебя знаю как облупленную и догадываюсь, кого ты будешь рада видеть…

– Да я, по-моему, уже ни с кем, кроме тебя, не общаюсь.

– Ой, не свисти! Я девчонок с нашей работы позвала, из универа пару человек. Мальчиков!

Она многозначительно приподняла бровь.

– А во-вторых?

– А во-вторых, теперь я сама думаю, что маловато будет. – Лицо Насти сделалось подчеркнуто серьезным, даже озабоченным. – Потому что ты же пьешь как запойный алкаш! – выпалила она и расхохоталась.

– Да ну тебя, – Света фыркнула. – Тоже мне, устроитель торжеств и праздников…

– Ладно, Конова, не дуйся! – Настя скорчила ехидную физиономию. – Хочешь, я тебе коктейль вкусный замучу, «Наглая обезьяна»?

– Кто-о-о?!

– Что «кто»? – Настя улыбалась уже настолько широко, что казалось, вот-вот треснут уголки рта. – Я говорю, коктейль «Наглая обезьяна». Специально для тебя нашла! Водка, белый ром, апельсиновый сок…

– Я тоже тебя люблю.

Дружески пихнув Настю плечом, Света принялась разгружать багажник.

Полгода назад Света решила, что переходная стадия между куколкой и бабочкой затянулась, и начала окончательно перебираться во взрослую жизнь. Она была морально готова перелопатить тонны объявлений об аренде жилья, но случилось так, что первый же подвернувшийся вариант влюбил ее в себя сразу и окончательно. Света тогда только-только устроилась на работу в салон сотовой связи и никак не ожидала, что смешливая девушка Настя уже через час после знакомства примется изливать ей душу, жалуясь на съехавшую с квартиры соседку-предательницу и то, как тяжело в одиночку тянуть аренду.

У Светы не было поводов считать себя везучей. Напротив, жизнь чаще доказывала ей обратное. Но в этот раз Света почувствовала, что сорвала джекпот. Компактная трешка с двумя спальнями, проходной гостиной и крохотной кухонькой. С относительно свежим ремонтом и адекватными соседями по лестничной клетке. Не центр, но и не задворки, хороший спальный район. И, что немаловажно, по деньгам вовсе не заоблачно.

Да, бонусом к этому великолепию шла Настя, чье навязчивое желание дружить Свету слегка напрягало, но на фоне сплошных плюсов этот неявный минус казался несущественным! Так что она собрала пожитки и съехала от тети Лары, в доме которой жила с самого рождения. А уже через месяц не могла и представить, что когда-то знать не знала энергичное взбалмошное веселое, дружелюбное чудо по имени Настя.

Новая подруга была старше на два года, но выглядела как студентка-первокурсница. Русоволосая, зеленоглазая, с тонкими чертами лица, Настя напоминала русалку. Как в таком теле уживался огненный темперамент ифрита, Света не понимала. Случалось, она даже завидовала немудреному Настиному умению послать все подальше и просто веселиться. Но куда

больше завидовала тому, что при покупке спиртного продавщицы в супермаркетах все еще спрашивали у Насти паспорт.

В который раз Света мысленно поставила себя рядом с подругой. Сравнение выходило не в пользу Насти. Миленькая, симпатичная, она все же уступала подруге, которую с полным основанием можно было назвать красивой. К себе Света всегда относилась критично, но на контрасте отмечала и правильные черты лица, и высокий чистый лоб, и пухлые, четко очерченные губы. Как-то один несостоявшийся кавалер сказал ей, что ее губы просто созданы для поцелуев. Банальщина, конечно, но Света была польщена. Вот и еще одна загадка: в отличие от ее отношений, никогда не перерастающих во что-то серьезнее походов в кино, Настины любовные похождения взрывались каскадами фейерверков, гремели, как рок-концерт, и выжигали мужские сердца походя, не особенно напрягаясь. Загадка и еще один повод для зависти. Впрочем, исключительно белого цвета.

Пыхтя под весом пакетов, подруги добрались до своего этажа. Аккуратно поставив ношу на ступеньки, Света зарылась в сумочку в поисках ключей.

– Стоять.

Бутылки тревожно звякнули, когда Настя опустила пакеты на пол.

– Ты дверь запирала?

– Запирала…

Света охнула – тяжелая стальная дверь была приоткрыта на ладонь. В подъезде вдруг повисла подозрительная тишина. Даже долетающие с улицы звуки стали глуше, невнятнее. Света поймала себя на мысли, что замерла, как почуявший хищника зверек, не зная, то ли переждать, то ли рвануть с места, спасая жизнь.

– Поздравляю, подруженька, – мрачно сказала Настя. – Нас обнесли.

– Да что там брать? Ни денег, ни драгоценностей. Разве что телевизор хозяйский…

Света заметила, что старается говорить негромко, почти шепотом, и смущенно замолкла.

– Ага, нечего! Я туфли новые купила! Блин!

Настя пошарила в пакете, выудила бутылку потяжелее. Перевернутый «Мартини» в ее кулаке напоминал стеклянную гранату.

– Насть, ты куда?! – шепотом запротестовала Света. – А вдруг они еще там?! Вдруг у них оружие?!

– Конова, если эти сволочи стырили мои туфли, им никакое оружие не поможет!

Приоткрыв дверь, Настя скользнула в квартиру. Тишина стала невыносимой. Пытаясь сообразить, что же делать дальше, Света вынула телефон, нервно покрутила в пальцах. Секунды тянулись, как прилипший к подошве гудрон. Вязкое время обволакивало, лишало воли.

«Настя-Настя, ну куда ты полезла?! К черту эти туфли, коза ты сумасшедшая! Возвращайся! Пожалуйста, возвращайся!» – думала Света, терзая несчастный телефон.

«Надо звонить в полицию, – решила она наконец. – Надо позвать соседей и идти к Насте…»

Из квартиры раздался приглушенный испуганный вскрик. Что-то грохнулось на пол. Позабыв обо всем, Света бросилась на выручку подруге. Сжав в кулаке ключ, она пронеслась через прихожую и только тут поняла, какую глупость совершила. Надо было сперва постучаться к соседям, позвонить в дежурную часть, а теперь она, беззащитная, один на один с опасными грабителями, и бог знает что случилось с Настей… Света застыла посреди гостиной, не понимая, что делать дальше. Закричать? Вдруг незваные гости испугаются и убегут?!

– Насть? – робко позвала она.

Через окна беспрепятственно лился вечерний свет, все еще яркий, но уже порождающий смутные тени. В каждом углу мерещились сгорбленные силуэты. Слышалось чужое дыхание и шорохи. А за шторами явно кто-то…

Из-за штор они и выпрыгнули. А еще из-за дивана, из-за шкафа, из плотно занавешенной спальни. Материализовались, как злые духи из страшных сказок. Налетели. Света взвизгнула, отшатнулась, выставляя перед собой ключи, смешное бесполезное оружие.

– Сюрпри-и-и-из! – вразнобой заорали тени, развеивая морок.

Запищали гуделки. Взорвалась запоздалая хлопушка. В глазах зарябило от ярких колпаков и букетов. Перекрывая смех и торопливые поздравления, в потолок стрельнула пробка от шампанского. На ватных ногах Света добралась до дивана и с облегчением рухнула в его мягкие объятия.

– Господи, ну вы и придурки! Я чуть ежа не родила!

Борясь с предательской слабостью, Света все же нашла в себе силы рассмеяться. Получилось немного нервно. Из кухни, цокая каблуками новых туфель, вышла Настя, скорчила невинную физиономию: мол, я не я, и задумка не моя. Света швырнула в нее подушкой, и подруга, подобрав платье, проворно выскочила в прихожую. Усиленный подъездным эхом, донесся звон бутылок и ее деловитый голос.

– Та-а-ак, как тут поживает наше завтрашнее похмелье?!

С наигранной строгостью Света обвела взглядом улыбающиеся лица гостей. Требовательно хлопнула ладонями по обивке дивана.

– Коктейль! – приказала именинница. – Мне срочно нужен коктейль!

– Если что, я изначально был против.

Едва заслышав родной голос, Света вскочила, позабыв про слабость в коленках. Из кухни, смущенно прижимая к груди подарочный сверток, вышел Антон. Радостно вскрикнув, Света повисла на брате, уткнулась носом в ложбинку у шеи.

– Пришел, – будто не веря, шепнула она ему на ухо.

– Ну, честно говоря, думал пропустить. Староват я для детских утренников, – попытался отшутиться Антон. – Но потом вспомнил, что у тебя день рождения, и…

– Только в день рождения о сестре и вспоминаешь! – Света стукнула его кулаком в грудь. – Если бы я не была так рада тебя видеть, знаешь, что…

– Знаю, заслужил, – Антон кивнул. – Признаю свою вину. Меру, степень, глубину.

– Да ну тебя, – Света еще раз крепко стиснула его в объятиях. – Такая ты, Тошка, зараза, слов нет! Но я очень рада тебя видеть!

Между ними вклинилась Настя, с маргаритами в обеих руках. Всучила бокалы, вынула откуда-то еще один, для себя.

– Именинница, ваши гости отвратительно трезвы! – она звонко чокнулась с подругой и воздела бокал к люстре. – Давай не томи! С днем…

– …рож-день-я! – подхватили гости. – С днем рож-день-я! С днем рож-день-я!

– Ура-а-а-а-а! – заголосила Света, и, пригубив коктейль, с головой окунулась в праздник.

Ночь решительно вымела с улицы остатки дневного света. Торопливо развесила гирлянды звезд, прикрутила убывающую луну на самое видное место и теперь тайком подглядывала в неспящие окна, завистливо вздыхая над чужим праздником. Гости давно разбились на группки. Курили на балконе и кухне. Эмоционально обсуждали чью-то личную жизнь. Склевывали со стола остатки закусок и нарезанных фруктов. Кто-то включил «Муз-ТВ», где глянцевая певичка-однодневка, изгибая силиконовое тело, пела о большой чистой любви. Веселье выдыхалось. Смех звучал все тише, а тосты в честь именинницы – все реже. Коктейли смешивались лениво, нехотя. Голоса гудели хоть и громко, но устало.

Света, Антон и Настя расположились в гостиной, доигрывая игру, с чьей-то легкой руки названную «тарантинками». Оранжевые стикеры украшали лоб каждого, и Настя комично закатывала глаза, силясь разглядеть, что написано на ее бумажке. Света довольно поджала

губы, разглядывая свой аккуратный почерк. «Наглая обезьяна» – мелкая месть за дурацкий розыгрыш, но после шестого бокала ничего умнее в голову не пришло.

– Так. Сейчас же мой ход, да?

«Наглая обезьяна» поставила пустую маргариту на пол. Соловый взгляд прошелся по друзьям, ненадолго задержался на их «тарантинках». Настя сдавленно хрюкнула. Собралась, постучала ярко-алым ноготком по стикеру.

– Я красивая?

– И красивая, и умная, – намекая на бородатый анекдот, ответила Света. – Как бы не разорваться.

– Хм-м-м-м, – не уловив намек, Настя задумчиво потерла висок кончиками пальцев. – А там случайно не мое имя написано?

– О, не настолько умная и чуть менее красивая! Давай, Тошка, твоя очередь.

Задумчиво пожевав губы, Антон спросил:

– Я – вымышленный персонаж?

– Иногда мне кажется, что да.

В голосе Светы прорезалась грусть. Она не хотела, само вырвалось. На «тарантинке» брата она написала свое собственное имя. С детства у них не было никого ближе друг друга. Мама умерла, рожая Свету. Отца они никогда толком и не знали: тот сбежал, едва узнав о второй беременности жены. У него уже давно была другая семья и дети… трое, кажется. Воспитанием Светы и Антона занималась мамина сестра, тетя Лара, которая, конечно же, маму заменить не могла.

В последнее время Света заметила, что брат отдаляется, перестает делиться с ней переживаниями, становится замкнутым. Списывала все на работу, где Тошка, бывало, пропадал ночами, сдавая очередной проект. Да и у самой дел навалилось невпроворот. Последний год она впервые жила сама по себе. Друзья, работа, увлечения, банальная усталость, и вот на брата, который был ей и отцом, и матерью, уже не остается времени. Но, что хуже всего, он, кажется, и сам не особо жаждал встреч. Что ж, дети растут, думала Света, их пути расходятся. Но иногда, как вот сейчас, например, она испытывала острые приступы щемящей тоски по старым временам и в самом деле задавалась вопросом: а уж не выдумала ли она своего старшего брата?

Антон потер щеку. Задумчиво посмотрел на сестру. Кажется, сообразил, что говорит она не о его персонаже, а о нем самом. Он хмыкнул и решил поддержать игру.

– Хорошо его знаешь? Знакома с ним?

– С ней! – поправила Настя, взглядом указывая на подругу. – Это она!

– Ну-у-у-у… Скорее, наслышана.

Настя скорчила недоумевающую физиономию.

– С ним, с ней… запутали, нафиг! Вы кого отгадываете вообще?

Пошатываясь, она двинулась к столу, размахивая пустым бокалом. Компания у стола раскатисто захохотала, глядя на ее стикер.

В отсутствие громоотвода в лице Насти Антон молчал. Света видела, что ему неловко, но глаз он не отводил. Брат с детства куда лучше нее играл в гляделки. Вернулась Настя, плюхнулась на диван, едва не расплескав коктейль. Света хлопнула в ладоши.

– Так, значит, моя очередь! – она указала пальцем себе на лоб. – Я мужчина?

– И еще како-о-ой! – Настя игриво пихнула Антона локтем в бок.

– Отлично. Я умный?

Протяжно вздохнул Антон. Почесав затылок, он бросил беглый взгляд на «тарантинку» сестры и пожал плечами:

– По всей видимости – не очень.

Света закусила ноготь большого пальца. По ехидным смешкам Насти, по виноватому взгляду Антона она догадалась, что – вернее, кто – загадан ей. Но все же решила проверить.

– А случайно нет ли у меня дурацкой привычки пропадать надолго и не отвечать на звонки неделями?

Брат все же отвел глаза, покаянно повесил голову. Все его проигрыши в гляделки Света могла пересчитать по пальцам. Да и в этих случаях Антон скорее сдавался сам. Что ж, пора добивать, решила Света.

– Ну и, видимо, у меня целая куча важных дел, про которые даже родной сестре не рассказать, так?

Антон поднял руки – дескать, сдаюсь. Под редкие аплодисменты подруги Света сняла стикер со лба, удостоверяясь в правильности догадки. «Антоша Конов», так и есть! С победной ухмылкой прилепила «тарантинку» брату на рубашку.

– Типичный Антон! – фыркнула Света.

Крыть «типичному» Антону оказалось нечем. Он и сам это понимал, а потому поспешил перевести неприятный разговор на другую тему. Стикер перекочевал со лба к нему в руки.

– Я – «Света Конова»? – недоверчиво прочел он. – А-а-а! Я сняла квартиру, потому что взрослая и самостоятельная? Эта Света?

– Ты так говоришь, как будто это плохо! – Настя изобразила опасный бандитский прищур. – Ты смотри, она со мной, если что! Понял, да? Кстати…

Со второй попытки она все же сняла свою бумажку. Долго щурилась и моргала, выстраивая скачущие перед глазами буквы в нужный порядок.

– Наг… лая… Наглая обезьяна?! Нормально, слышь! Я, между прочим, сегодня накрасилась! – возмущенно выпалила она.

И напряжение развеялось. Антон наклонился вперед, звонко приклеил свой стикер на лоб Свете.

– Это на случай, если утром не сможешь вспомнить, как тебя зовут.

Сняв с рубашки «тарантинку» сестры, налепил ее с левой стороны, чуть пониже ключицы. У сердца, поняла Света.

– А это на случай, если не сможешь вспомнить, как зовут твоего непутевого брата, который не звонит неделями и пропадает месяцами.

– Что, вымышленный персонаж, опять исчезнешь? Увидимся на следующем дне рождения?

Такт никогда не был сильной стороной Насти, но сейчас она превзошла саму себя. Подскочила, одной рукой придерживая платье, другой – бокал, и резво умчалась в прихожую. Там уже надевали обувь, придерживаясь за стены и друг друга. Слышался хмельной смех, заплетающиеся голоса. Кто-то прихватил с собой бутылку вермута и разливал «на ход ноги». Праздник незаметно завершился, довольные гости расползались по домам.

– Светик, спасибо за праздник! Просто пушка! – крикнул кто-то, она не разглядела кто.

Среди улыбчивых лиц мелькнул и пропал сжатый кулак. Звонко отлетали воздушные поцелуи. Топот стоял, как от небольшого стада. Настю тискали и целовали вместо именинницы. Щелкнул замок, и подъездное эхо подхватило громкие речи. Пару минут спустя хлопнула подъездная дверь, и с улицы донеслось протяжное:

– Ой-еи-яи-ео-о-о-о! Ба-та-рей-ка-а-а-а!

Перебравшись к брату на диван, Света закрыла глаза ладонью.

– Стыдобища какая! – Краска и впрямь залила ее лицо до самой шеи.

– Раз в году можно! – уверенно отрезала Настя, унося на кухню пустые бутылки.

Антон кашлянул, хрустнул пальцами.

– Я, пожалуй, тоже пойду… Мне завтра проект сдавать, а там работы еще – конь не валялся.

– Ты спать-то не забываешь, работничек?

– О, сплю я даже больше, чем надо. Поверь.

Свете показалось, что по лицу брата пробежала легкая тень. Беспокойство или что-то похожее. Тоскливо вздохнув, Света положила руку Антону на плечо.

– Ты хоть позванивай иногда, что ли, – она грустно улыбнулась и спросила с надеждой. – А то, может, останешься, а? Пока доедешь еще. Всяко сегодня работать не будешь. Завтра с утра, со свежей головой…

– Ну, скажем честно, «со свежей головой» это ты хватила, – перегибаясь через диван, вклинилась между ними Настя. – О чем болтаете, котятки? Ты ведь не собрался бросить сестру в ее единственный в году день рождения?

Она грозно посмотрела на Антона, и тот замотал головой. Не веря, Света широко распахнула глаза.

– Что, серьезно?! Остаешься?!

– Конечно, остается, – безапелляционно обрубила подруга. – Что ж, у него совсем, что ли, совести нету?

– Тошка? Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Загнанный в угол, Антон пожал плечами, молчаливо соглашаясь со всеми доводами. Света довольно запищала и принялась подпрыгивать на диване.

– Вы такие клевые! – пьяно улыбнулась Настя, крепко обнимая Антона и Свету за шеи. – Если бы вы не были братом и сестрой, я бы предложила вам тройничок!

Антон смущенно отвел глаза, неловко высвободился из объятий. Света расхохоталась, легонько боднула подругу лбом. С Настей никогда на сто процентов не знаешь, шутит она или серьезно. Настя и трезвая не слишком следила за языком, а уж после десятка «Наглых обезьян»…

– Ладно, я отчаливаю.

Пошатываясь, Настя встала. Смерила Антона долгим оценивающим взглядом. Подмигнула с театральной игривостью.

– Если что, моя комната рядом с кухней, и дверь я не запираю.

– Тьфу на тебя! Настя, это же мой брат!

– Это для тебя он брат. А для меня – симпатичный бесхозный мужик, который спит в соседней комнате.

Света потянулась шлепнуть подругу по бедру, но та с неожиданной ловкостью увернулась.

– Ариведерчи, котятки!

Настя скрылась в своей комнате. Из-за неплотно прикрытой двери донеслось томное:

– Не запираю!

– Не переживай, – Антон очень серьезно посмотрел на сестру. – Я буду паинькой.

– Кто бы сомневался? Ты всегда был паинькой.

Он растянулся на диване, пристроив голову на коленях Светы. Странно, он всегда был старшим не только на словах, но и на деле. Надежным, заботливым. Мечта любой младшей сестренки. Но в этой позе он всегда казался ей маленьким мальчиком. Не слабым отнюдь, но ранимым и доверчивым, как щенок. Света зарывалась пальцами в густые черные волосы, вдыхая слабый аромат одеколона и мужского шампуня. Считала родинки на его лице, нажимая на них, как на кнопки. «Печатала», так это называл Антон.

– Эй, машинистка, – запрокинув голову, он хитро прищурился. – Подарок-то будешь открывать?

– Нет… Подожду до Нового года. – Света наклонилась и звонко чмокнула брата в нос. – Лучший мой подарочек – это ты! – отчаянно фальшивя, пропела она.

– Чудовищно! Не делай так больше! – скривился Антон. – Открывай давай. Я весь вечер потратил, заворачивая.

– И все равно завернул ужасно, – хмыкнула Света.

Она потянулась к журнальному столику, среди всех свертков и коробок безошибочно выбрав увесистый кирпичик. Мятые уголки, бумага в шотландскую клетку, кое-как перетянутая бантиком, и много-много скотча. Света деловито потрясла подарком возле уха, понюхала.

– Еще на зуб попробуй…

– Это не духи, не украшение… – Света еще раз потрясла подарок. – Или украшение? Цепочка? Не-е-ет, это для тебя слишком банально… Билеты?

Закатив глаза к потолку, Света придирчиво покачала подарок в руке.

– Тяжеловато. Хм-м-м… Книга! Это книга?!

– Бинго! – засмеялся Антон. – Вскрывай уже, Шерлок! Тебе понравится.

Подцепив ногтем скотч, Света разорвала оберточную бумагу. Из-под шотландки показалась чуть потрепанная обложка. Черно-синие тона, размашистый акварельный рисунок, будто бы выполненный детской рукой. Темный лес и дом на пригорке, обнесенный палочками забора. Ярким пятном под двускатной кровлей выделяется горящее окно. Натурально горящее. Не теплый свет лучины или свечи, не тусклая желтизна электрической лампы, а рыжее зарево пожара, выскочившее из неплотно прикрытой печи. При первом же взгляде Свету кольнуло узнавание.

– Маршак. «Угомон». Господи, Тошка, где ты ее нашел?!

– Угадал? – вместо ответа довольно ухмыльнулся Антон.

– Еще бы!

– А я ее никогда и не терял.

Света быстро раскрыла книгу, перелистнула шмуцтитул, выискивая выходные данные.

– Тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год! С ума сойти! Блин, да она старше нас двоих, вместе взятых! – пальцы метнулись к оглавлению. – Боже, и обложка та же самая. Мне кажется, даже запах тот же!

– Мне в детстве казалось, что домик на обложке горит. Поздний вечер, за окном дождливо. Все легли спать – Угомон всех уложил – и не заметили, как из печки вывалился уголек.

– Бр-р-р-р, жуть какая! Не выдумывай! Хотя, если честно, действительно похоже на огонь… И еще иллюстрации эти.

– Да, криповатые. Угомон этот бородатый, в капюшоне, как какой-то престарелый маньяк-педофил. Что он вообще делает поздно ночью у кровати чужого ребенка?! А учитывая, как мальчика в книге зовут, я в детстве думал, что это про меня, и старался заснуть побыстрее, чтобы, не дай бог, он не пришел. Представляешь, откроешь глаза, а там старикан в капюшоне и с бородой, и это ни фига не Дед Мороз!

– Да ну тебя! – хмыкнула Света. – Балбесина!

Пальцы задумчиво пробежались дальше, вместе со страницами перелистывая само время. Отматывая назад. Возвращая в детство.

– Сон приходит втихомолку, пробирается сквозь щелку… – Света поймала себя на мысли, что улыбается во весь рот. – Тошка, Тошка… Помнишь, как я в детстве тебя доставала, чтобы ты мне его прочел?

– Помню, конечно. Чуть ли не каждый вечер. Угрожала, что иначе не заснешь, шантажистка мелкая. – Антон прикрыл глаза. – Я точно так же маму доставал.

Он вновь довольно ухмыльнулся. Света попыталась улыбнуться в ответ, но губы скривились. В глазах поднялась соленая муть. Капля сорвалась с ресниц и разбилась о раскрытые страницы. Сухая бумага жадно впитала влагу, растянула по буквам темным пятном. Света торопливо захлопнула книгу.

– Свет, ты чего? – Антон приподнялся на локте. – Свет? Перестань, ну? Ты ни в чем не виновата. Мама умерла во сне еще до того, как ты родилась.

– Да. Знаю.

Света мотнула головой, и подступившие слезы разлетелись в разные стороны. Чувствуя себя донельзя глупо, она запрокинула голову, замахала руками перед лицом. Ни дать ни взять – экзальтированная дурочка из вечернего ток-шоу для домохозяек. Антон снял с ее носа соленую каплю, внимательно изучил, выгнув бровь с таким уморительно-серьезным видом, что Света, не выдержав, прыснула. Но смех получился натужным, истеричным.

– Прости… – кое-как успокоившись, выдавила она.

– Эй! Посмотри на меня. – Антон подсел ближе, положил ей руки на плечи. – Ну же, посмотри на меня. Спать ложатся все на свете, спят и взрослые, и дети… Помнишь?

Шмыгнув носом, Света нашла-таки силы улыбнуться в ответ.

– Спит и ласточка, и слон, но не спит один…

– Антон.

– Ну вот!

Брат безошибочно раскрыл книгу на нужной странице.

– Стал он песни петь от скуки, взял от скуки книгу в руки. Но раздался громкий стук – книга выпала из рук!

– А знаешь, мы даже во дворе его вместо считалочки использовали. Раз-два, три-четыре. Кто не спит у нас в квартире? Всем на свете нужен сон. Кто не спит, тот выйди вон! Я всех девчонок на нее подсадила.

– Считалочки… – снисходительно хмыкнул Антон. – А ты вообще в курсе, что Маршак не только детские стишки писал? Он много переводил. Бернса, например. Это…

– Знаменитый шотландский поэт. Я знаю.

– Ну да, конечно. А еще он «Калевалу» переводил. Казалось бы, где Маршак и где «Калевала», да? Я думаю, он был великим мистиком. Не показным, как все эти графы Калиостро, а тихим, скрытным мистиком, который всю жизнь прятался под личиной добродушного детского писателя. У него даже в детских стихах порой такая жуть сквозит, никакому Лавкрафту не снилось. Просто не все это видят…

Антон широко зевнул, по-детски заплямкал губами.

– Всем на свете нужен сон, это точно. Мне бы сейчас определенно не помешал. И Свете тоже, я думаю.

Антон мягко поцеловал сестру в лоб.

– Давай дуй спать.

– Дую! Доброй ночи, Угомон…

В дверях спальни Света замешкалась.

– Знаешь, я иногда думаю, как все было бы, будь мама жива. Если бы все эти годы она была рядом…

Ответа не было. Зарывшись лицом в подушку, брат уже крепко спал. Видно, в самом деле намаялся за день. Света вернулась, заботливо укрыла Антона пледом. Убрала со лба непослушные вихры. Шепнула:

– Сладких сновидений!

Что снилось ее брату, один Морфей ведает, а вот Светины сновидения сладкими не были. Снилась какая-то старая больница, и она, в одной рубашке, как птица металась между запертых дверей в поисках выхода. Неприятное жуткое место во сне представало мрачным готическим замком, полным тайных склепов и замурованных ниш с истлевшими скелетами. Она тянула за руку ребенка, мальчишку, и по пятам за ними стелилась голодная тьма, полная чудовищ. Черные щупальца расползались по стенам, оплетали лампы и светильники, душили любой, даже самый робкий источник света. Света. Света! СВЕТА!!!

Женский голос истошно звал ее по имени. Голос, который она ни разу не слышала, но который был ей прекрасно знаком. Он поддел ее зазубренным крючком и вырвал из пучины сна, как рыбак подсекает беспечного окуня. Света очнулась, дрожа от озноба. Обхватила плечи, сквозь тонкую ткань ночной сорочки чувствуя колкие мурашки, покрывшие холодную кожу. Голова трещала. Тело расплачивалось за несчетное количество коктейлей, поднятых за здоровье именинницы.

Поеживаясь, Света накинула покрывало. Словно привидение выплыла из спальни. Лунное серебро, смешанное с желтками фонарных столбов, освещало квартиру. В гостиной на диване разметался Антон. Окно раскрыто нараспашку – вот почему так зябко. Света плотнее закуталась в покрывало. В кухне, ощупью, нашла пачку анальгина. Запила теплой водой из чайника. Постояла, борясь с тошнотой, пока таблетки не улеглись. Пол приятно холодил босые ноги. В полудреме Света вернулась в спальню и даже не заметила, что диван пуст.

Она рухнула на кровать и, едва коснувшись лицом подушки, заснула. Впала в черное бесконечное ничто. Выключилась. Она не видела, как Антон неживыми механическими движениями взгромоздился на подоконник. Ежась на ветру, он стоял, руками держась за створки, и глаза его были закрыты. Лицо беспокойно подергивалось, губы шевелились, нашептывая что-то звездному небу, но некому было услышать, понять, запомнить.

На мгновение он застыл, превратился в гипсовую статую. Мимические мышцы прекратили сокращаться. Рот скривился, не закончив фразы. Побелевшие пальцы отцепились от створок. Антон обернулся, закрытыми глазами обозревая темноту квартиры. Сквозь сомкнутые веки они глядели в спальню, где на кровати, спрятав руки под подушку, лежала его сестра.

Губы Антона дрогнули:

– Ты поймешь. Так нужно.

Он качнулся и выпал из окна спиной вперед. В те короткие секунды, что длилось падение, он успел сложить руки на груди и улыбнуться умиротворенно, как улыбается человек, принявший правильное решение.

Глава вторая. После Антона

У накрытого простыней тела топтались медики. Выверенными движениями собирали носилки, раскатывали глянцево-черный мешок для трупов. Парочка полицейских курила возле машины, и включенная мигалка попеременно окрашивала сосредоточенные лица в красный и синий. Поодаль тихо переговаривались соседи и случайные прохожие, хмурые, серые, как нынешнее утро.

Света уже не выла – лишь тихонько всхлипывала. Всклокоченная, бледная, за неполный час постаревшая лет на десять, она до боли сжимала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Деловитые медики с красными от недосыпа глазами застегивали мешок. Жужжание молнии, неправдоподобно громкое, напоминало гул осиного гнезда. Черная ткань поглощала Антона, скрывая изломанное тело, череп с трещиной на затылке, восковое лицо с кровавыми потеками над верхней губой и в уголке рта.

Все, чего Свете сейчас хотелось, – отмотать время назад, чтобы сидеть рядом со спящим Антоном всю ночь. Всю жизнь, если потребуется. Все, что она могла, – кусать губы и кутаться в плед, принесенный заботливой Настей. Жалкий кусок ткани, все еще хранящий запах брата.

Немолодой оперативник с седой щеткой усов глядел на нее в упор, по-рыбьи раскрывая рот. Рядом Настя, помятая спросонок, жестикулировала, шевелила губами, изливая на него ответное молчание. Звук исчез, подавленный звенящей тишиной. Оробел в присутствии смерти, спрятался. Света бы тоже с радостью спряталась. Забралась с головой под одеяло, пережидая, пока ночной кошмар сгинет, оставив после себя лишь гнетущие воспоминания, которые иссушит восходящее солнце. Но солнце взбиралось на небосвод, лениво цепляясь за ветки деревьев, а темное пятно на асфальте не думало высыхать.

Подталкиваемая медиками, мимо проплыла каталка. Моргнула вспышка телефона. Кто-то сделал фото. Сегодня запостит у себя на страничке. Может быть, даже продаст снимок какому-нибудь новостному ресурсу. Дверцы труповозки сомкнулись, скрывая продолговатый черный мешок. Колыхнулась толпа, расступилась, пропуская машину. И вновь сомкнулась, жадная, любопытная, равнодушная к чужому горю. Докурив, скрылись в патрульной полицейские. Оперативник, оглаживая усы, отвел Настю в сторонку. Безмолвно. Беззвучно.

И, осознав, что еще немного – и тишина сомнет ее, расплющит, точно асфальтоукладчик, Света отыскала свой голос.

– Почему?! – закричала она, разрывая безмолвный кокон, что спеленал ее с головы до ног. – Почему-у-у-у?!

– Так надо… – прошелестел ветер. – Ты поймешь…

Но Света не понимала. Она не знала язык ветра. В роще у дома воронья стая граем встречала новый день и новую смерть.

Впервые в жизни Света напрямую столкнулась с формальной стороной смерти. Само собой, до того ей случалось бывать на похоронах. Давно, еще в детстве, они всем классом провожали старенькую учительницу физики, и еще один раз – пару лет назад, одногруппник попал в страшную аварию. Но заниматься похоронами самостоятельно не доводилось. Света даже не знала, куда увезли тело брата. В эти тяжелые, исполненные муторной душевной болью дни Света как никогда благодарила судьбу за Настю.

Подруга записала все данные, надиктованные оперативником. Сама звонила в морг, уточняла дату вскрытия, ездила проплачивать холодильную камеру и ритуальные услуги. В редкие моменты ясности рассудка отрешенная Света совала ей деньги, но Настя лишь отмахивалась – потом, потом, свои люди, сочтемся. Она дежурила у постели и бегала за водой. Кормила чуть

ли не с ложечки, хотя есть Свете не хотелось совершенно. Даже на звонки отвечала. Один такой врезался в Светину память.

Все как обычно: пиликнул телефон Антона, Настя сняла трубку. Отрывисто поздоровалась и долго-долго молча слушала собеседника, постепенно темнея лицом. Глядя на нее, Света до смерти перепугалась, что вновь произошло ужасное, непоправимое. Она попыталась отобрать телефон у подруги, но та отвела руку, решительно встала, вышла в другую комнату и уже там заорала на невидимого собеседника.

– Он умер! Умер, как вы не понимаете?! У вас вообще совесть есть?! Что вы за человек такой?!

На мгновение замолчала, словно набирая воздух для нового вопля, но ответила неожиданно тихо и холодно.

– Подождете, ничего страшного. Квартира проплачена до конца месяца. Месяц кончается через две недели. И если хоть что-то из вещей пропадет, я ваш маленький бизнес скормлю налоговой инспекции. Надеюсь, мы друг друга поняли, – с нажимом закончила Настя.

Она вышла из комнаты, пунцовая от ярости. Подчеркнуто вежливо попрощалась и швырнула трубку на диван.

– Этот козел звонил… у которого Антошка квартиру снимал. Говорит, новые жильцы въехать хотят. Тварь… Свет?

Она присела возле подруги на корточки, сжала ее колени.

– Надо будет в ближайшие дни поехать и разобрать все. Свет?

Света притянула ее к себе, уткнулась зареванным лицом в макушку. Так и сидела, а Настя покорно ждала, пока подруга успокоится. Слезы катились устало. Вспомнилась старая сказка о женщине, что от горя выплакала глаза до полной слепоты. Новые жильцы, въезжающие в квартиру брата, стали последним кусочком мозаики, на которой, как оказалось, были изображены угрюмые сосны и взбегающее на холм, утыканное крестами кладбище.

Поехать разбирать вещи брата через пару дней не получилось. Подготовка к похоронам отнимала уйму времени, а вечером попросту не оставалось сил, чтобы тащиться на другой конец города. Туда, где Света так и не побывала, но где – она знала это совершенно точно – каждая мелочь будет напоминать об Антоне. Если бы не Настя… Если бы не Настя… Да, Света иногда поглядывала на злополучное окно с абсолютно нездоровым интересом.

Тяжелее всего дался поход в ритуальную фирму. Вид похоронных атрибутов, выставленных на продажу, добил Свету окончательно. В отличие от морга, здесь не пахло разложением и тленом. Напротив, благоухал сандал, а от девочек с профессиональными печатями скорби на лицах тянуло «Диором» и «Живанши». Не хватало воздуха, хотя душно не было: кондиционер принудительно гонял прохладу по комнатам, заставленным крестами, искусственными венками, макетами памятников и… гробами. Света дышала старательно, словно делала упражнение, думая только о том, как бы не грохнуться в обморок. Настя поддерживала ее под локоть, отчего Света чувствовала себя старой и немощной. Развалиной.

– …красный бархат…

– Что? – переспросила Света.

Пухлая девушка из ритуальной службы сложила на дородной груди пальцы, унизанные золотом. Соболезнующая маска прилипла намертво, но глаза отражали тоску, рутину. Девушка хотела домой, пить кофе с коньяком и смотреть сериалы.

– Красный бархат, – терпеливо пояснила она. – Обивка. Не очень дорого и смотрится достойно. Есть лакированный вариант, но по деньгам почти вдвое дороже…

Свету замутило. Любую, даже самую неприглядную смерть здесь стремились обрядить покрасивее. Исподволь давили на жалость, невзначай роняли фразы в духе «родные и близкие достойны самого лучшего», «они с нами, пока мы заботимся о них», и тут же демонстрировали каталог костюмов или широким жестом охватывали выстроенные вдоль стен надгробия. Как

будто умершим не все равно. Как будто Антону, с пробитой ребрами грудной клеткой, с выпирающими из-под кожи шейными позвонками, Антону с головой, треснувшей, как переспелый арбуз, не все равно, в каком костюме его зароют.

– Много цветов заказывать не нужно, – доверительно сообщила ритуальщица. – А то, знаете, завалят могилу букетами, так что и не видно ничего. Пять-шесть букетов будет в самый раз.

Свете захотелось заорать. Схватить эту сонную курицу за грудки, встряхнуть как следует. Отхлестать по щекам, крича в одутловатое лицо, что нормально не будет, потому как нет ничего нормального в мире, где человек без видимых причин выходит в окно. Где от небытия отделяет один крошечный шаг и быстротечное падение. Где все хрупко, тонко, как едва ставший лед, под которым бесшумно скользят игольчатые гребни и темные плавники древних тварей, – и завтра в окно может выпасть кто-то из твоих друзей. Близких. Ты сама.

Требовательно запиликал телефон, на осколки разбивая зарождающуюся злость. Света тяжело вздохнула, прислонилась к подруге, странным образом успокаиваясь от тепла ее тела. На экране горел номер тети Лары. Знаками показав «я на минутку», Света отошла в сторону. Палец завис над иконкой в виде красной трубки – выслушивать очередные соболезнования хотелось меньше всего. За минувшие дни она слышала их достаточно.

– Да, теть Лар, – она все же приняла вызов.

– Ну как ты там, кровиночка моя? – тетя Лара с ходу сорвалась в сюсюканье.

– Да ничего, теть Лар, держусь.

– Крепись, родная, крепись. Тебе сейчас надо быть сильной. Такое горе и на такие хрупкие плечи, ох-хо-хо-о-о… Как ты сама с этим справишься, бедная ты моя?

– Ты не приедешь, да? – догадалась Света.

Выхолощенный голос давно забыл, как выражать эмоции, но на том конце линии переполошились.

– Ты только не сердись, кровиночка моя! Не сердись! Я сама себе места не нахожу, но никак не вырваться. С работы не отпускают, да и, если честно, денег нет ни гроша лишнего. Три кредита на мне висят, еле концы с концами сводим.

– Я понимаю, – тускло ответила Света. – Я все понимаю, теть Лар.

– Я знала, что ты поймешь. Ты у нас всегда была умницей. – Тетя Лара зашмыгала носом, шумно высморкалась. – Ты крепись там, не отчаивайся. Жизнь идет, время лечит, ну… И д-да, вот еще…

Она замялась, явно собираясь сказать что-то неприятное, хотя Света не могла представить, что может быть неприятнее тетки, не едущей на похороны племянника, которого растила как родного сына. Кредиты у нее, надо же! Света презрительно скривилась.

– Я отцу вашему звонила, рассказала про Антошу. Он очень-очень соболезнует, но приехать не сможет. Младший у него заболел, а жена в командировке. Он за няньку…

– Теть Лар, – Света устало прикрыла глаза, – мы с ним уже года три не созванивались. А не виделись все пять. Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Ну, так-то оно, конечно, так, но все ж родная кровь… отец ведь…

– Биологический, – строго поправила Света. – Все, извини, у меня сегодня еще очень много дел.

Пока она наскоро прощалась с тетей, подошла Настя.

– Кто не приедет? – беря подругу под локоть, поинтересовалась она.

– Никто… – буркнула Света.

– Никто… Отец? – догадалась Настя. – Не бери в голову. Отцы порой бывают настоящими засранцами.

– Твой такой же? Ты поэтому про него так мало рассказываешь?

– Мой… А нечего рассказывать. – Настя задумчиво накрутила локон на палец. – Мой живет на работе. Иногда даже ночует там. Ладно, пойдем уже, давай закончим с этим.

Ритуальщица словно и не прекращала разговора. Заученно раскручивала клиента на деньги, не подозревая, что чудом избежала сокрушительной истерики.

– …подушечка под голову. Все равно будет не видно, так что можно побюджетнее…

– Я хочу, чтобы все было достойно, – неожиданно твердым голосом перебила ее Света. – Сделайте так, чтобы все было достойно.

Ритуальщица ничем не выдала эмоций, но отрешенные глазки ее вдруг загорелись неподдельным интересом. Позже, оплачивая счет, Света пожалела о своем опрометчивом высказывании. Нет, ей не втюхали самый дорогой памятник и позолоченное надгробие, все позиции оказались в средних пределах или даже чуть ниже. Участливая девушка просто внесла в счет все возможное, включая лампадки, свечи и даже носки. Услуги похоронной бригады, катафалк, место на кладбище, аренда ритуального зала и поминки сожрали все сбережения, которые Света откладывала на квартиру.

Умирать оказалось неожиданно дорого.

Катафалк – широкая «газель», приспособленная для перевозки усопших, – подпрыгивал на ухабах. В такие моменты, ловя равновесие, Света хваталась за гроб и тут же отдергивала руку, словно обжегшись. Мерещилась трупная вонь, тяжелый, тошнотворный аромат морга, хотя нос опух, покраснел и вряд ли мог адекватно воспринимать запахи. Молчаливые крепкие парни в одинаковых фирменных робах сидели вдоль борта. Под их ногами позвякивали свертки с инструментами. Все выглядело совершенно не так, как в кино. Не было траурной процессии, люди в черных плащах не толпились у свежей могилы, не секло дождем широкие купола зонтов. Духовой оркестр не играл похоронный марш.

Буднично машина заехала на кладбище, пристроилась рядом с двумя точно такими же, что отличались лишь логотипами ритуальных фирм на кузовах. Еще одно напоминание, что люди мрут каждый день и ее горе не уникально. Света вывалилась из салона, тихо радуясь, что уже несколько дней жила только на кофе. Долгая тряская дорога и духота подкатывали к горлу едкой желчью. Прохладный ветер, напитанный ароматом сосновой хвои, приятно обдувал разгоряченное лицо. Пока Света стояла, старательно унимая тошноту, мимо пронесли гроб.

У самого склона холма чернела яма в обрамлении земляных насыпей. Жирная почва, рассыпчатая, похожая на песочное тесто, сминалась под ботинками парней из похоронной бригады. Вокруг могилы стояли какие-то люди, совсем немного – на кладбище поехали лишь автовладельцы, – но, вспоминая прощание в траурном зале, Света с недовольством отмечала, что и там народу собралось едва ли намного больше. Она не видела их лиц, не соображала, мужчины это или женщины. Темные силуэты, обычные статисты из жизни Антона. Сейчас они скорбят, неловко бормочут слова поддержки, но вряд ли вспомнят о брате уже через месяц.

Света не желала признаваться в этом самой себе, но в глубине души, в самом потаенном месте, зрела обида на брата. Горькая, отравляющая все и вся, она грозила перерасти в злость, из которой разгорится испепеляющая ненависть. Ей хотелось сохранить об Антоне самые теплые воспоминания, но мерзкий червивый голосок день ото дня, час за часом подтачивал сестринскую любовь, казавшуюся прежде незыблемой. Перед глазами вставало удивленное лицо Антона в струйках запекшейся крови. Червивый голосок глумливо визжал: «Он тебя бросил! Поганый трус! Предал тебя и сбежал на тот свет! Какой мразью надо быть, чтобы так поступить с родной сестрой?! Что за сволочь способна на такое?! Он же знал, что у тебя нет никого ближе! Знал! Зна-а-а-ал!»

Но еще хуже становилось, когда мерзкий голосок замолкал и из-под него пробивался другой, морозно-спокойный, с притворным любопытством вопрошающий, а где, собственно, находилась любящая младшая сестра, когда ее брат бросился навстречу асфальту? «Где? В

соседней комнате? Пьяная в хлам? Хороша поддержка, нечего сказать! Да что ты знала о нем, эгоистка? Самовлюбленная дрянь! Ты хоть раз спросила, что его гложет, какие у него проблемы? О да, и он отвечал – никаких! А ты радостно забывала об этом еще на полгода! Ты снимала по верхам и ни разу не докопалась до сути! Ты плохая сестра! Ты отвратительный друг!»

Мышцы натруженных рук вздулись, бережно опуская гроб в могилу. Белые полоски ткани, заменяющие веревки, полетели вниз, крест-накрест. Отрешенная Света тискала Настину руку. Теплая ладонь сочувствующего человека – вот то немногое, что удерживало Свету от прыжка в могильную яму и отчаянной попытки ногтями сорвать тяжелую крышку, вытащить наружу брата, которого по ошибке запихнули в жуткий деревянный ящик.

Кто-то прошел мимо. По доскам гулко ударили комья земли. Провожающие выстроились коротенькой вереницей, и Света истерично хихикнула. Показалось, что могильщики сейчас заорут, как ярмарочные зазывалы: «Настоящий покойник! Всего один сеанс! Соблюдайте очередь!» Комья земли все громче колотили о крышку гроба, словно каждый норовил взять горсть побольше и швырнуть посильнее. Уже не глухой стук, а грохот горного обвала. Методично. Страшно. Окончательно. Это могильщики взялись за лопаты, споро закапывая гроб – и Антона, Тошку, братишку, – возводя над ним аккуратный вытянутый холмик. Чудовищный звук все нарастал и нарастал, покуда не заполонил кладбище, мир, Вселенную. И тогда Света поняла наконец, что это она – она сама – сидит на дне глубокой черной ямы, и на голову ей сыплется жирная земля, застревает в волосах, забивается в рот, залепляет ноздри. В этом звуке крушение надежд сплелось с торжеством смерти. Неизбежность правила безраздельно. Любимые люди обращались в бездушных сломанных кукол. И это был страшнейший из всех слышанных ею звуков.

Даже когда они возвращались домой, в мерном гуле мотора ей чудился тяжелый земляной стук. Для себя Света решила, что никогда больше не явится ни на одни похороны. Всю дорогу с кладбища она думала лишь о том, что не позволит, ни за что не позволит, чтобы с ней обошлись так же. Только кремация. Только огонь.

Поминки устроили в небольшой кафешке рядом с домом. За столом, накрытым на двадцать пять персон, сидело чуть больше десятка человек, включая их с Настей. «Насколько же замкнутым человеком надо быть, чтобы на твои похороны явилось так мало народу? – думала Света. – Или не быть, а стать? Когда Антон превратился в затворника? Он же всегда был обаяшкой, душой компании, и девочки вокруг него вились, как пчелы у цветка. Еще каких-то года три назад…»

Точно, три года назад. Света кивнула собственной догадке. Именно тогда внимательный и заботливый брат вдруг начал реже звонить и почти перестал заходить в гости. Что случилось с ним тогда, три года назад? Наркотики исключаются, экспертиза показала, что он и пьян-то особо не был. Может, задолжал кому? Но Света видела выписки с банковской карты. На счете брата лежала кругленькая сумма. Такие деньги не валяются без дела, когда из тебя выбивают долги страшные люди.

Над столом витали обычные поминочные разговоры. Пили, не чокаясь. Люди с натянутыми улыбками на постных лицах вспоминали о покойном хорошее и только хорошее. Как-то раз мы с Антоном поехали в лес и заблудились… Однажды я серьезно влип, и мне понадобилась помощь, тогда Антон… Как-то Антоха познакомил меня с одной девочкой, но забыл сказать, что ему она тоже нравится… Как Света и подозревала, срок давности всех баек был не меньше трех лет. Большинство историй начиналось словами: «К сожалению, в последнее время мы с Антоном мало виделись».

«Не твоя вина! – радостно завизжал червивый голосок. – Это не твоя вина! Это все он! Предатель! Трус! Кидала!»

«Заткнись!» – мысленно приказала Света, и голосок, к ее несказанному удивлению, действительно заткнулся.

Тяжело отодвинув стул, она встала из-за стола. Громко кашлянула, привлекая внимание. Полупустая рюмка пахла спиртом, вызывая омерзение. Света открыла рот и вдруг поняла, что будет говорить долго. Что ей необходимо выплеснуть скорбь, разделить ее с этими людьми, покуда они еще готовы это сделать.

– Антон… – хрипло начала она. – Антон был моим братом…

Съемная квартира Антона ничем не напоминала холостяцкую берлогу. Все тут было чисто, прибрано, все на своих местах – не то что в их «девичьей светелке». Даже пахло приятно: стиральным порошком, кофе и какими-то благовониями – на подоконнике нашлось блюдце с остатками прогоревшей ароматической палочки. Скромная однушка: кухня и гостиная, она же спальня. Диван собран, постельное белье аккуратно сложено в изголовье. Точно Антон знал, что вывозить вещи предстоит сестре, и стремился облегчить ей задачу. Света протяжно всхлипнула.

– Так, Светик, а ну соберись! – пропыхтела Настя, с охапкой картонных коробок втискиваясь в комнату. – Сейчас, знаешь, ну вот абсолютно не время раскисать.

Света присела на край дивана, неосознанно поглаживая рукой подушку. За наволочку зацепилась пара светлых волосков. Но Настя себя разжалобить не позволила. Твердо поставила коробку на пол и бесцеремонно сгрузила туда постельное белье.

– Вот так. Потом разберемся, что в стирку, а что в помойку.

Безучастная Света блуждала по комнате рассеянным взглядом. Сжав губы, Настя села на корточки, взяла подругу за руки.

– Кисунь, я все понимаю, правда. Тебе тяжело, даже не представляю насколько. Но если ты сейчас же не соберешься, – голос ее повысился, – то даже моего ангельского терпения не хватит, чтобы сдержаться и не дать тебе хорошего пинка!

Глаза ее озорно блеснули. Света сдержала улыбку, но не согласиться с подругой не могла. Ей действительно нужно собраться. Взять уже наконец себя в руки. Пройти это последнее испытание, комнату кривых зеркал, в которой Антон по-прежнему жил в своих вещах. В одежде, аккуратными стопочками сложенной в платяном шкафу, в сбитых кроссовках для бега, в пустом холодильнике, с одинокой пачкой заветренных сосисок и даже в невынесенном мусоре.

Она с тоской окинула взглядом широкий, во всю стену, стеллаж, уходящий под самый потолок. Полки натурально ломились от книг: пухлые тома, мятые обложки покетов и даже просто растрепанные пачки распечатанных на принтере листов. Пальцы, как по клавишам, пробежались по корешкам. Из знакомых авторов только Стругацкие и Кастанеда. Несколько учебников по графическому дизайну, много фантастики, но еще больше эзотерики, иногда совсем желтушной, в духе передач на «Рен ТВ». Даже – никогда бы не подумала – «Толкование сновидений» есть! Ох, Антоша, Антоша… Уж не в религию ли тебя занесло?!

– Чего опять залипла? – Настя выглянула из-за плеча.

– Думаю, что мне столько книг и за всю жизнь не прочесть. Тошка был очень умный. Любил до всего доходить своим умом. Не просто для галочки прочесть, а действительно разобраться, понять, что и как работает. Иногда это страшно бесило, а теперь страшно не хватает. Пусть бы он бубнил что-нибудь про шрифты или верстку сайтов… я бы слушала, что угодно бы слушала, лишь бы говорил…

Настя наугад сняла книгу с полки. Преувеличенно внимательно зачитала название:

– Пэ Шпорк. «Почему мы спим, и как нам это лучше всего удается». М-дэ, ну и названьице. Берем?

Мгновение Света колебалась. Наконец кивнула.

– Берем. Надо забрать все. Я сейчас плохо соображаю. Не хочу потом загоняться, что оставила тут что-то ценное. – Она смутилась. – Ценное, как часть Антона, я имею в виду…

– Да поняла я, – Настя страдальчески закатила глаза. – Давай тогда так: я пакую книги, ты разбираешь стол. И, чур, не филонить! Работы видела сколько? Упаковываем, запечатываем, вызываем грузчиков. Что-то действительно ценное и хрупкое – вот сюда, заберем сразу.

Картонная коробка упала к ногам. Пинком подвинув ее к столу, Света взялась за ноутбук. Это точно нужно забрать в первую очередь. Вся Антошкина работа была здесь, и, как знать, может, и его мысли тоже? Вдруг именно тут найдется ответ на мучающий Свету вопрос: почему молодой, здоровый парень с хорошими карьерными перспективами решил свести счеты с жизнью?

На рабочем месте царил страшный кавардак, разительно отличавший его от остальной квартиры. Стенка была усеяна стикерами с короткими напоминаниями. «Дедлайн в пятницу!!!», «Понедельник. Планерка в 10:00–11:30», «Антонов. Макеты. НЕ ЗАБЫТЬ!!!», «СБТ. 12:00 Лаберин. Лекция». Света отвоевала небольшой участок для старенького ноутбука. Остальная столешница скрылась под несколькими слоями распечаток эскизов будущих сайтов, каких-то техзаданий, клиентских брифов и карандашных набросков. Прямо на бумагах стояли чугунный японский чайничек и кружка с остатками зеленого чая, в которой плавал небольшой островок плесени. Света подавила в себе желание прижать кружку к щеке. Хватит, в самом деле. Настя права: пора брать себя в руки.

Света раскрыла ноутбук. Сердце сжалось при виде очередной желтой бумажки: «ДР Светки!!!» Стремительно, покуда не хлынули слезы, Света сорвала стикер и спрятала в карман. Щелкнула по тачпаду, чтобы включить экран, но тот просыпаться отказался. Света размотала сетевой провод, сунула в розетку. Светодиоды подали признаки жизни. Рядом с ноутбуком лежала стопка книг. Пока компьютер пробуждался, Света сняла верхнюю. С. М. Лаберин, «Практическая сомнология». Ногти отбили по столу неспешный задумчивый ритм. Не многовато ли «сонных» книг? И не многовато ли Лабериных на квадратный сантиметр комнаты?

– Све-ет? Нас дневники интересуют?

– Что?

Настя протянула ей раскрытый ежедневник, исписанный ровным почерком Антона. Вместо даты только сокращения дней недели, почему-то сдвоенные: СБ – ВС, ПН – ВТ, ЧТ – ПТ. Света вчиталась в аккуратные строчки: «Сегодня вновь осознанно. Если память меня не подводит, это уже десятый. Юбилейный, можно сказать…»

ДНЕВНИК АНТОНА
(Май вс. – пн.)

Сегодня вновь осознанно. Если память меня не подводит, это уже десятый. Юбилейный, можно сказать. Очнулся в лесу, с полным пониманием, где я и что делаю. Стопы погружались в мох, и под ногами чавкало. Был вечер, солнечный свет неохотно просачивался между деревьями, и я кожей чувствовал прохладу. Огляделся и увидел дом на холме. Тот самый, из «Угомона». Он даже выглядел как детский рисунок – размашистые черные линии, оранжевое пятно окна, забор, как перевернутая расческа. Во сне реальность искажается, и рисованный дом в настоящем лесу кажется вещью вполне обыденной, однако я что-то заподозрил. Сфокусировался, призывая маркер. Красный мяч выпал, как всегда, ниоткуда, то ли с неба, то ли из-за спины, подтверждая, что я сплю.

Заметка на полях:
сейчас вдруг подумал, а кто кидает мне мяч?

да, это образ, продиктованный подсознанием, но все же от мысли, что маркер мне кто-то кидает, становится не по себе.

Первым делом привел сновидение в порядок. Рисунок заволновался и растаял как мираж. За обманкой вновь оказался старый госпиталь. То есть это теперь я знаю, что это госпиталь. Научился узнавать его под любой личиной. Сегодня он выглядел как старый краснокирпичный особняк с красивым фронтоном и широченными деревянными дверями. Идти туда не хотелось, но я все же пошел. В который раз задаю себе вопрос, почему я трачу осознанное сновидение на эти бесплодные попытки? Мог бы материализовать большую кровать и трех Анджелин Джоли для сексуальных утех или превратиться в медведя… Да хоть на комете прокатиться, что угодно! А я прусь в этот пропахший лекарствами особняк с секретами!

Я уже знаю практически все его уловки и трюки. Мне почти не страшно. Только бы вновь не встретить моего безликого друга. Этот сгусток чернильных щупальцев задевает какие-то потаенные струнки души. Лаберин считает, что это персонификация базовых страхов, присущих любому человеку. Что-то из тех времен, когда ночь и темнота несли людям страшную смерть от зубов и когтей огромных хищников. Как бы там ни было, я не расстроюсь, если сегодня мы не увидимся. Хотя в последнее время Безликий старается не пропускать мои сеансы.

Заметка на полях:
анализ?
должна быть причина.

Сквозь кусты я продрался на асфальтированную подъездную дорожку. Госпиталь привлекает меня как неизменная часть цикличного сна, в котором мама и я бежим от неизвестной опасности. Сегодня меня посетила гениальнейшая в своей простоте мысль, и я решил ее проверить. Все это время я переворачивал вверх дном палату, из которой выходила мама. Потом свою. Кабинет главврача. Регистратуру. И только сегодня понял, что ее карточка должна быть у хирурга. Это же очевидно! Мама донашивает Светку последние недели, беременность протекает с осложнениями, назначено кесарево, так где же еще быть карточке?! Не совсем понимаю, что она мне даст, но чувствую, что рою в правильном направлении.

В регистратуре, как всегда, дежурила баба Валя, сухощавая старушка с облачком ярко-желтых волос на макушке. Сидела вполоборота, заполняя бумаги. Костяшкой пальца я постучал в разделяющее нас оргстекло. Баба Валя повернулась неторопливо, постепенно являя вторую половину лица. Я мысленно выругался, готовясь к неприятному зрелищу. Позеленевшие кости торчали из-под гнилых ошметков плоти. Восковая кожа свисала лоскутами. Ссохшиеся десны оголили зубы невероятной длины. Из пустой глазной впадины шевелила усами любопытная крысиная морда.

– Слушаю вас? – прошамкала баба Валя.

Крыса вцепилась в скулу, ожесточенно захрустела костью. Меня передернуло от омерзения. В первый раз я испугался так, что бросился наутек. Попросту говоря, проснулся в ледяном поту. Сейчас же смотреть на эту картину было неприятно, не более.

– Здравствуйте! Помогите мне, пожалуйста, врача найти. Роженицу из сто тридцать девятой кто кесарить будет?

Секунду она смотрела сквозь меня. Даже крыса перестала точить резцы о кость и настороженно зыркнула умным черным глазом. В голове бабы Вали что-то булькнуло, нижняя челюсть отвисла. Я решил, что это крыса пытается выбраться наружу. Никак не ожидал, что изо рта мертвой регистраторши польется гудронная тьма. Старуха скрючилась. Костлявые птичьи конечности уперлись в столешницу. Изношенное тело захрустело хрящами, позвоночный столб

встал горбом, поднимаясь гораздо выше головы. Рот торопливо выблевывал темную мерзость, что сливалась в хорошо знакомую мне фигуру Существа-Без-Лица.

Завороженный этим, я едва не проворонил, как в крохотное окошко просунулось скользкое щупальце, протуберанец мрака. Выстрелило в мою сторону, на пару сантиметров не достав до живота. Я вышел из ступора и резко прервал сеанс. Проснувшись, не сразу понял, где я, не мог узнать свою квартиру. Долго пил чай, записывал увиденное. Под самый конец меня озарило – похоже, я подобрался слишком близко к разгадке тайн прошлого нашей мамы. Что такое должно было произойти в детстве, чтобы я запрятал эти воспоминания настолько глубоко, да еще и приставил к ним такого жуткого стража, как Безликий?! Вопросы, одни сплошные вопросы.

Заметка на полях:

Он тоже в этот раз подобрался слишком близко.

Вот это уже пугает по-настоящему.

Посоветоваться с Лабериным?

Опять Лаберин. Света пролистала ежедневник до конца. Все страницы были плотно исписаны, во многих местах примечания на полях, зачастую написанные другой, красной или зеленой, пастой. Значит, Антон возвращался к этим текстам, обдумывал их.

– Странный… рассказ…

– Может, потому, что это не рассказ? – Настя нахмурилась. – Это похоже на дневник сновидений. Знаешь, так иногда делают, вроде как наблюдения за здоровьем, изменениями организма. Смотри, даже дни недели сдвоенные. Вот тут – в ночь с воскресенья на понедельник.

– И зачем это?

– Да я-то откуда знаю? – Настя пожала плечами. – Может, врач порекомендовал. Антошка к психологу не ходил?

– В-вроде нет…

Неожиданно для себя Света залилась краской. Стало невыносимо стыдно оттого, насколько мало она знала о брате. Говорил ли Антон что-нибудь о визитах к психологу? Вроде нет, но Света уже ни в чем не была уверена. Застарелая депрессия часто толкает людей на самоубийство.

– У него тут целая полка под них отведена, – Настя нагнулась, провела пальцами по ряду идентичных ежедневников в самом низу стеллажа. – Он, похоже, не один год этим занимался.

Света присела на корточки. Вынула первую книжку с левого края. Позапрошлый год. Записи начинались с марта.

По совету доктора Лаберина начинаю вести дневник сновидений.

Попытки разобраться в повторяющихся снах о моей матери привели меня к нему на лекцию, и оказалось, что Лаберин не просто трепач, сшибающий деньги с доверчивых лохов, а очень даже дельный мужик…

Еще одна книжка. На сей раз с другого конца. Первое, что бросилось в глаза, – почерк стал неряшливым, размашистым. Строчки скакали, текст пестрел ошибками. Так нехарактерно для собранного, педантичного Антона. Света наугад раскрыла ежедневник.

Безликий уже не маскируется.

Кажется, он глумится надо мной.

Все мои попытки пробиться на нулевой уровень смешат его, хотя я решительно не представляю, как может смеяться существо, у которого и рта-то нет…

Проскользнув между страниц, на колени Свете мягко спланировала старая выцветшая фотокарточка с толстой трещиной в левом углу. На снимке молодая блондинка обнимала мальчонку лет шести. Антона узнать нетрудно. Большеглазый, скуластый, с усыпанным родинками лицом. На вид неуклюжий, как гусенок. С женщиной сложнее. Черные соболиные брови вразлет подчеркивают глубину карих глаз. Прямой аккуратный нос. Полные губы кривятся в легкой усмешке, порождая милые ямочки на щеках. Свободную руку она держит на округлом животе. В этой женщине Света без особых усилий видела себя – нынешнюю.

– Ух ты! Антошка такой маленький! – Настя сцапала фотографию. – А это кто? Тетя Лара?

– Нет. Это мама. А вот это, – Света постучала ноготком по животу на снимке. – Вот это – я.

На обороте размашистый автограф, размытый до состояния полной нечитаемости, и надпись: «Поселок Рассвет. 1998 год». Света сунула снимок обратно в ежедневник. Аккуратно спрятала книгу на дно коробки.

– Это заберем сейчас. Все это.

Невзирая на страдальческий ропот подруги, Света принялась сгружать дневники в коробку.

– Постарайся не перепутать хронологию, клади один на другой.

Настя хотела что-то возразить, но внезапно тишину взорвал густой мужской голос.

– Внутрь своей тьмы…

Испуганно отпрянув, Света врезалась спиной в стеллаж. Пара книг грохнулась на пол. Настя подпрыгнула как ужаленная, заозиралась по сторонам, а невидимка знай себе вещал:

– Лишь в этом случае можно увидеть рассвет нашего разума.

С экрана ноутбука за подругами пристально следил немолодой импозантный мужчина. Над зачесанными назад волосами изрядно поработала седина. Глубокие морщины на щеках, высокий лоб, узкие бескровные губы. Речью и манерой держаться он напоминал киношного вампира – этакого трехсотлетнего графа.

– Потому что большинство наших проблем – их вызывают не сами плохие события, а их ожидание. Ожидание зла!

Мужчина привычно прошелся по аудитории, облокотился на угол стола.

– И вот это самое ожидание зла называется одним простым словом. Страх.

Сбросив оцепенение, Света метнулась к ноутбуку, щелкнула пробел, ставя видео на паузу. Потыкала в тачпад, кое-как закрыла файл. Настя, выронив книгу на пол, обессиленно плюхнулась в кресло.

– Уф-ф-ф-ф! Нельзя же так пугать! – выдохнула она. – Чуть сердце не выскочило!

Света отключила ноутбук, отсоединила все провода и убрала его в коробку с дневниками.

– От греха подальше!

Почему-то она была уверена – перед ней пресловутый Лаберин эс эм. Света твердо решила дома обшарить ноутбук брата от и до. Что-то нездоровое было в этой одержимости сном. Что-то, до чего следовало докопаться.

Скидывая в коробку документы со стола, Света остановила взгляд на черно-белом эскизе, выполненном простым карандашом. Две схематичные человеческие фигурки: одна нависает над другой, то ли спящей, то ли мертвой. За спиной первой поднимается черная извилистая тень с множеством отростков-жгутиков. Бесформенная, она тем не менее странным образом напоминала человеческий силуэт. В памяти тут же всплыл скачущий размашистый почерк и слова, будто произнесенные голосом брата:

безликий уже не маскируется…

он тоже в этот раз подобрался слишком близко. вот это уже пугает…

пугает по-настоящему…

Глава третья. Ночь Безликого

Вещи брата завалили прихожую, заполонили гостиную. Света все не могла понять, как несколько коробок превратились в бескрайние развалы, в которых сам черт ногу сломит. Здесь, кажется, книжки? Вот тут крестиком помечено – это одежда. Надо будет отдать благотворительным организациям, что оказывают помощь бездомным. А этот тюк, это вообще что? Хорошо хоть, ноутбук и дневники вывезли самостоятельно. Света оценивающе оглядела три картонные коробки возле дивана. Со вздохом решив, что сегодня нет сил вникать в фантасмагорию чужих сновидений, оставила дневники до завтра.

Чашка горячего кофе приятно согревала руки. Света села за ноутбук. Паранойей Антон, похоже, все-таки не страдал – обошлось без паролей. Экран осветился, открывая взгляду замусоренный файлами рабочий стол. Света бегло пробежалась курсором по иконкам. Какие-то дизайнерские программы, макеты, презентации, материалы. Несколько серий популярных сериалов, скачанных да так и забытых на рабочем столе. Рутина, ничего важного или хотя бы просто интересного. Еще было много папок, зачастую вложенных одна в другую. По названиям Света сразу определила: это то, что она ищет. «Кастанеда», «Лаберин_Лекции», «Осознанные_сновидения», «Безликий».

– Тошка, Тошка, чем промыли твои замечательные мозги? Что это вообще за бред? – пробормотала она, катая в ладонях остывающую чашку.

– Что? – донеслось из Настиной спальни.

Подруга, уже в майке и трусиках, выглянула из-за двери.

– Ты меня звала?

– Нет-нет, Настюш, извини! – смутилась Света. – Я сама с собой.

– Слушай, ложилась бы ты спать, а? День выдался длинный, тяжелый, надо немного восстановиться. Сон – лучшее лекарство, точно тебе говорю!

– Не уверена, – под нос себе пробормотала Света, кликая мышью на папке «Сонный_паралич».

– А? – вновь не расслышала Настя.

Не дождавшись ответа, она широко и сладко зевнула. Потянулась, хрустнув локтями.

– В общем, ты как знаешь, но я бы тебе советовала прилечь. Лично я на боковую. Но если что понадобится, ты меня буди, не стесняйся!

Поглощенная поисками, Света раздраженно мотнула головой, не особо соображая, что делает. В папке «Скрины» обнаружилась богатая подборка статей и книжных вырезок. От заголовков Света почувствовала себя не в своей тарелке. Сложно было воспринимать всерьез чьи-то бредни под названием «Безликий демон: мифы и факты». Господи, да какие могут быть факты, когда речь идет о существе, которое само по себе не более чем миф?!

– Безликий, Безликий…

Света покатала слово на языке. В контексте всего произошедшего звучало оно жутковато, но в целом – ничего особенного. Обычное прилагательное, в повседневной жизни применимое к чему-то серому, массовому, но никак не к демону. Современная поп-культура рисует адских созданий краснокожими качками с рогами буйвола и клыками льва. Демоны – они какие угодно, но только не безликие.

Встречались заголовки и похлеще. «Массовая смерть во сне заинтересовала полицию», «Медсестра-маньячка убивала пациентов снотворным», «„Рассвет“ – старейшая российская секта пророчит скорое пробуждение демона-истребителя»…

Последний заголовок что-то всколыхнул в памяти Светы. «Рассвет»? Где-то она уже слышала это название, совсем недавно. Или это утомленный разум играет с ней злую шутку? Рассвет… Рассвет… Рас… Постойте-ка! «Рассвет» – это же…

Она торопливо зарылась в коробку с дневниками. Отыскала тот самый, с вложенным снимком. Вытряхнула фотокарточку на стол. Маленький Тошка рядом с мамой и будущей сестренкой. Вот и надпись на обороте: «Поселок Рассвет. 1998 год». Только вместо нечитаемой подписи уверенной рукой выведено: «ВЫХОД – уровень 0». Рукой Антона. Что за бред?! Ведь тут не было…

Звонко щелкнула настольная лампа, погрузив комнату в темень, слабо озаряемую экраном ноутбука. Света испуганно вскрикнула. Возникшая было догадка утонула во тьме. Света бросила взгляд на комнату Насти, но подруга не выскочила на шум, значит, уже дрыхнет без задних ног.

Громкий стук отразился от закрытой двери, разнесся по комнате. Ночью, посреди темной квартиры, он звучал особенно зловеще. Но было в нем и что-то знакомое, словно она слышала его не первый раз. Света прищурилась, вглядываясь в темноту, развернула ноутбук – лучше уж такой фонарик, чем вообще никакого. Стук расползался по квартире. Противным холодком взобрался вдоль позвоночника, пошевелил волосы на затылке. Света узнала его: так грохотали комья земли по крышке гроба на похоронах Антона. Так звучала обреченность. Необратимость.

Перебарывая ужас, Света подняла ноутбук, кое-как разгоняя кромешный мрак. Стук усилился, стал злее, настойчивее. Свете представилось, что весь их дом, с коридорами, лестничными пролетами, чердаками, подвалами, квартирами и сотнями живущих в них людей, забрасывают землей. Хоронят, потому что она влезла, куда лезть не стоило. Разворошила змеиное гнездо чужих страшных тайн.

– Настя? – жалобным шепотом позвала Света.

Дверь качнулась на петлях, скрипнула. За ней были мрак и грохот могильной земли о гробовые доски. Мрак утробно зарычал, голодный, хищный. Он растекся по гостиной, ртутью перекатываясь из угла в угол. Он заполз под диван, заставив Свету испуганно поджать ноги. Мерцание экрана пока еще отпугивало его, но с каждой секундой все слабее. Светлея в центре, он отползал к краям и там густел. А стоило повернуть ноутбук – тут же ускользал в другую сторону. Мрак не спешил. Наступил его час, и этот час он собирался использовать с умом.

За спиной раздалось глухое ворчанье. Света испуганно подпрыгнула, оборачиваясь. Ноутбук упал на диван и захлопнулся. Но еще до того, как жадная тьма слизала остатки освещения, Света успела разглядеть Антона. Его фигуру, овал лица, взъерошенные волосы. Не бывает людей настолько похожих – это был именно Антон, ее мертвый брат. Задыхаясь от ужаса, Света трясущимися пальцами пыталась открыть ноутбук, но, даже когда ей это удалось, монитор засветился не сразу. «Телефон!» – осенило Свету.

Силуэт Антона, черный на черном, стоял неподвижно. Угрожающее рычание звучало все ближе, все наглее. Грохот падающей земли оглушал. Оплетая жертву, мрак стискивал кольца. Мешал дышать. Преодолевая чудовищное давление, Света направила руку с телефоном на призрак.

Глядя на сестру, Антон улыбался, и от его улыбки Свету затрясло в ознобе. Это действительно оказался он. Бледный в мертвенном сиянии телефонного экрана. Каряя радужка почернела, налилась спелым мраком, захватила глаза целиком. Невыносимо медленно Антон моргнул. Взмах ресниц – и из-под век хлынула непроглядная ночь, с крошечными точками далеких созвездий, которые на самом деле – Света поняла это только сейчас, на краю пропасти под названием ужас – на самом деле были глазами древних нечеловеческих сущностей.

Света отшатнулась, грохнулась с дивана. Отталкиваясь ногами, она, словно раздавленное насекомое, ползла прочь от Антона или того, что, приняв его облик, неотвратимо надвигалось на нее. Глазницы призрака струились первозданной тьмой. Скрюченные пальцы вспарывали воздух. Рот разорвался, превратился в широченный провал, где блестел раздвоенный язык. Грохотанье, рычание и собственный истошный визг смешались в адскую какофонию. В горле

запершило. Света разразилась мокрым кашлем. С каждым спазмом легких на пол отхаркивалась черная слизь. Сгустки мокроты стекались к Антону, облепляя его, пока не покрыли полностью, превратив в обсидианово блестящую фигуру. Безликий приблизился к Свете, и от ног его по ковру расползлась бахрома плесени.

– ВНУТРЬ СОБСТВЕННОЙ ТЬМЫ —

прозвенело в голове. Дохнуло затхлым воздухом вековых склепов, каменных гробниц, храмовых усыпальниц, где от сотворения мира люди молились Тьме и ее не имеющему собственного лица воплощению. Глянцево-угольная рука, тяжелая как камень, легла на плечо Светы. Пальцы загнулись дугами серпов, оставляя на коже глубокие порезы.

Невидимая сила приподняла Свету, встряхнула, но не ожесточенно, а бережно, боясь навредить. Снова и снова. Снова и снова. Очертания черной твари потеряли четкость. Сквозь размытые контуры проступило обеспокоенное лицо Насти. Ее пальцы впились в Светины плечи, делая больно.

– Свет? Светик? Ты в порядке?

Света хотела ответить, что нет, не в порядке, но вместо этого зашлась в приступе сильнейшего кашля. В ладонь ткнулся стакан с водой, заботливо принесенный подругой. Теплая безвкусная жидкость смочила раздраженное криком горло, вымыла оттуда сотни беспокойных насекомых с острыми лапками. Настя зачем-то поддерживала стакан под донышко, будто помогала пить малышу. С каждым жадным глотком подробности кошмара растворялись. Света помнила, что сон давал ей какую-то подсказку, указывал на что-то важное, но детали стирались, оставляя лишь общее ощущение липкого страха и мокрую от пота подушку.

– Ты так кашляла, я даже перепугалась. Как заядлый курильщик, так – б-х-хэ-э-э, б-х-хэ-э-э!

Настя весьма натурально изобразила кашель. Забралась на кровать с ногами, спрятала руки между коленей. Света вытряхнула последние капли из стакана на все еще сухой язык. Жажда мучала ее по-прежнему.

– Хочешь еще? – угадала Настя. – Я принесу…

– Не… не надо… лучше со мной побудь.

– Что-то страшное приснилось, да?

– Не то слово… Я кричала?

– Нет, только кашляла, – Настя пожала плечами. – Но ты себя со стороны не видишь, а я вижу. Ты бледная, как труп, и харкаешь червями.

Света непонимающе захлопала глазами. Послышалось?

– Что?

– Харкаешь. Червями, – повторила Настя.

В доказательство она перевернула стакан, и на простыню повалились тонкие белые тельца, целый клубок. Они рассыпались по кровати, извиваясь и переплетаясь друг с другом. У Светы вновь запершило в горле. Почудилось, что легкие набиты могильной землей, кишащей…

– Червями. Харкаешь. Червями, – как заевшая пластинка, повторяла Настя, темнея лицом. – Ты. Харкаешь! ЧЕРВЯМИ!

Свету скрутила режущая боль. Выгнувшись, как большая кошка, она извергла из себя поток извивающихся белесых червей. В одно мгновение они покрыли кровать, погребли под собой подушку, Настины колени. Не хватало воздуха, но черви все валились и валились из раскрытого рта. В крохотной, похожей на склеп комнатке метался бесцветный голос:

– Червями. Жуками. Кладбищенскими крысами. Чешуйчатыми гадами. Подземными тварями.

Задыхаясь, Света упала на спину, и черви, взметнувшись фонтаном, обрушились ей на лицо. Она замахала руками, сбрасывая их, и зацепилась за волосы. Дернула так больно, что вскрикнула и открыла глаза. Над ней склонилась деловитая Настя.

– Ко-о-но-о-ва-а?! Кисунь, у тебя будильник надрывается. Ты на лекцию опаздываешь.

Протирая слипшиеся ресницы, Света опасливо отодвинулась. Не зная, сон это или явь, и чего ожидать от Насти, она затравленно вертела головой, уверяя себя, что уж в этот-то раз точно проснулась. Настя охнула и порывисто подалась вперед. Проследив за ее взглядом, Света охнула тоже. Реальность выскользнула из-под ног, оставив висеть над космической бездной, полной голодных мерцающих глаз. Ночнушка соскользнула с плеча, оголив четыре кровоточащие царапины в том самом месте, где ее коснулся Безликий повелитель ночных кошмаров.

Глава четвертая. Лаберин

– …Для этого человеку необходимо погрузиться в пучину собственной тьмы. Глубоко, до самого дна. Лишь в этом случае можно застать рассвет нашего разума…

Лаберин проговаривал лекцию практически без изменений. Даже расхаживал по аудитории, как на видео. Вот сейчас, вспомнила Света, он подойдет к краю стола и облокотится на него. Заложив руки за спину, Лаберин дошагал до края стола, остановился, но, словно услышав ее мысли, круто развернулся и пошел в обратную сторону.

К удивлению Светы, Лаберин оказался человеком довольно популярным. Поисковики выдавали десятки статей и заметок с упоминанием профессора, а пиратские библиотеки с флибустьерской щедростью одаривали всякого желающего бесплатными копиями его книг. Но куда показательней было то, что на открытой лекции в модном арт-пространстве, куда Света попала по приглашению самого Лаберина, свободных мест не наблюдалось. Публика подобралась самая разношерстная: студенты-хипстеры, утомленная богема, немолодые представительницы типажа «синий чулок», пожилые бородатые дядьки, похожие на врачей. Они слушали профессора, раскрыв рты. Не самые революционные сведения тот компенсировал харизмой и простотой подачи.

– Ожидание зла, его предчувствие, если хотите, это и есть страх. Наши проблемы проистекают напрямую из наших страхов.

Эту лекцию Света просмотрела уже трижды и знала чуть ли не наизусть. Слушая вполуха, она листала «Практическую сомнологию». В аннотации Степана Михайловича Лаберина величали ни много ни мало – директором НИИ психиатрии и экспериментальной сомнологии, доктором медицинских наук и профессором. На форзаце светило науки оставил витиеватый автограф и дарственную подпись: «Антону с наилучшими пожеланиями».

– А для того, чтобы бороться со страхом и одолеть его, у нас есть Ее Величество Наука! Кабы не она, мы с вами любой дурной сон сейчас объясняли бы вот так!

Он щелкнул пультом, переключая слайд. На экране появилась картина Генриха Фюссли «Ночной кошмар». Первая из четырех. Изогнутое, струной натянутое тело спящей женщины, придавленное карликом-инкубом. Меж распахнутых занавесок голова демонической лошади слепо таращится на жертву молочно-белыми шарами. Лазерная указка красной точкой уперлась в незрячий лошадиный глаз, на секунду сделав его пугающе живым. По аудитории прокатились смешки.

– В любой непонятной ситуации – вини во всем демонов. Наши с вами не слишком образованные предки в этом преуспели изрядно. Испытал поллюцию – суккуб прилетал. Встал бледный, с больной головой – не иначе вампир тобой закусывал. Синдром внезапной младенческой смерти – это значит кикимора малыша в люльке задушила. Ну а сонный паралич – вот он, во всей красе!

Четвертая картина, с ушастым, похожим на проказливого енота инкубом, завершила ряд своих предшественниц.

– Сонный паралич вообще известен во многих культурах. У мусульман это состояние приписывали джиннам. Не тому веселому синекожему парню из мультфильма про Аладдина, а злобным духам пустынь, коими они, на минуточку, и являются, согласно легендам! У японцев есть Канасибари – великан, что пяткой своей придавливает грудь спящего. У калмыков это дух-душитель Хар Дарна. У чувашей за сонный паралич отвечает Вубар. И так далее. В любой культуре, в любой традиции это существа злобные, жестокие, не несущие человеку ничего хорошего. И скажу даже больше! С древнейших времен известны культы, поклонявшиеся некоему всесильному демону сна. С веками культы эти измельчали, выродились в секты, но некоторые

из них – и я говорю это совершенно определенно, поскольку давно изучаю данный вопрос, – некоторые действуют до сих пор.

– А смысл?!

Один из слушателей с первого ряда, парень с черными взъерошенными волосами поднял руку.

– Да?

– Для секты в этом какой смысл?

Любопытство молодого человека казалось неподдельным, не было проказой скучающего студента. Он даже привстал с места. Впрочем, почувствовав на себе Светин взгляд, парень повернулся и неожиданно подмигнул ей. Обаятельный наглец, и улыбка располагающая. В другое время Света наверняка подмигнула бы ему в ответ. Но не сейчас. Она резко отвернулась.

– Личностное обогащение, конечно же, – профессор пошуршал пальцами, изображая деньги. – Все, связанное с религиями и их подобиями, вертится вокруг неких преференций, которые боги или дьяволы даруют своим адептам. В случае с демоном сна речь идет о погружении нашего мира в бесконечность кошмара. Испытывающие перманентный страх люди – прекрасная питательная среда для потусторонней сущности вроде нашего демона. А члены секты становятся его наместниками и правят человечеством безраздельно. Перспектива, прямо скажем, мрачная, да.

Вопреки своим словам, профессор улыбнулся снисходительно. Ясно давая понять, каким должно быть отношение современного серьезного ученого к любого рода сектам. Аудитория с готовностью хохотнула: демонстративное пренебрежение чужими дремучими верованиями пришлось публике по душе. Люди зашушукались, вполголоса делясь мнениями.

– Но однако же! – с ловкостью опытного оратора Лаберин вернул лекцию в нужное ему русло. – Однако же, как я говорил ранее, любое мистическое толкование появляется там, где человек не видит научного объяснения. Или, что бывает гораздо чаще, – просто не способен его увидеть.

Щелчок пульта открыл следующую страницу презентации. На экране возникло громоздкое неуклюжее здание, страдающий гигантоманией реликт советской архитектуры. Даже ступени крыльца внушали трепет своими размерами. Комфортно ступать по ним смогли бы разве что ноги мифических титанов. Над стеклянной входной группой висела неброская вывеска. Точка лазерной указки прошлась по буквам.

– Научно-исследовательский институт психиатрии и экспериментальной сомнологии ведет свою деятельность уже не первый десяток лет. И нас не сбить с толку мистическими толкованиями явлений, которые вполне способна объяснить наука. Сонный паралич для нас не происки инкуба, который забирается жертве на грудь, а сильнейшая мышечная атония, вызванная неудобной позой. Сомнамбулизм – не магический зов луны, а обычное, хотя и очень сложное, и пока еще слабо изученное расстройство сна. Ну и демоны сна для нас вовсе не демоны, а персонификация проблем, в первую очередь – психологических, принявшая пугающий образ, не больше. Но, правда, и не меньше, поэтому личностные страхи, принявшие конкретную пугающую форму, прямиком подпадают под нашу, если можно так выразиться, юрисдикцию. Мы словно шерифы этого сонного царства. Мы выявляем расстройство, выбираем способ его устранения и – еще недавно это казалось фантастикой! – лечим большинство из них.

Снова сменился слайд. На экране появился крупный план: лицо улыбающейся девушки с датчиками на висках. От ее головы тянулись разноцветные провода, видимо, датчики прятались и в волосах. Лазерная указка последовательно отметилась на каждом из этих проводов.

– С самого начала своей деятельности наш институт развивал уникальную и во многом передовую методику лечения подобных расстройств с помощью так называемых осознанных сновидений.

Лаберин взял паузу, пытливо оглядел лекторий:

– Я предполагаю, все присутствующие осведомлены, что означает данный термин?

Слушатели закивали, подтверждая, что они не просто люди с улицы, а изучили вопрос. Кто-то все же решил блеснуть знаниями:

– Это сон, во время которого ты понимаешь, что спишь, и поэтому можешь направлять его по своему усмотрению. Контролируемое сновидение, по сути. Еще Кастанеда об этом писал.

Снова тот самый парень. В этот раз Света задержала на нем взгляд подольше. Отметила гладкий волевой подбородок, немаленький нос и полные губы. Крупные черты по отдельности не выглядели привлекательно, но в совокупности образовывали очень даже симпатичную физиономию. Настя называла такие «мордашками».

Света внезапно разозлилась на него – вот же позер! Лезет тут, в каждой бочке затычка! Кастанеду вспомнил! Она уткнулась в раскрытую книгу, гоня от себя мысль, что злится вовсе не на незнакомца, а на себя за внезапно проснувшийся интерес к противоположному полу.

– Ну, положим, Карлос Кастанеда писал несколько про другое, – Лаберин ехидно хмыкнул. – Но в главном вы абсолютно правы. Именно так, в *осознанном* сновидении мы *осознаем* сам факт сна. И, поскольку, понимая это, мы способны оказывать влияние на эту сонную реальность, большинство психологических проблем, неврозов, расстройств можно излечить, вообще не прибегая к медикаментам. Практически одними только силами нашего разума. Возможно, это будет небольшой наглостью с моей стороны, но, если это вас не смутит, – поднимите руки, кто пробовал лечить какие-либо расстройства у врачей, скажем так, традиционной ориентации.

Он усмехнулся, разделяя с аудиторией немудреную шутку. Публика вновь восприняла юмор ученого благосклонно. По крайней мере человек пять подняли руки. Активный парень из первого ряда оказался в их числе, – сверкая искренней улыбкой, он тряс рукой как нетерпеливый школьник. Ну у тебя-то что за проблемы могут быть, улыбчивый ты аполлон?! Света вдруг почувствовала себя старой развалиной. Ей остро захотелось домой, упасть на кровать и спать, наплевав на все сонные расстройства этого мира. Эффектная пауза Лаберина подзатянулась.

– Ну что ж, вижу, люди собрались подкованные. Значит, мне нет нужды объяснять, что практика осознанного сновидения довольно сложна в освоении. Это действительно так. Раньше, чтобы научиться воспринимать себя во сне, приходилось тратить долгие месяцы, порой годы. Многие бросали попытки гораздо раньше, чем появлялись первые результаты, а некоторые и вовсе не способны постичь такие глубины самоконтроля. А ведь расстройства психики ждать не станут! Они прогрессируют, портят жизнь человеку и его близким. Но теперь изнурительные многодневные тренировки остались в прошлом!

Он разразился открытым заразительным смехом. Лекторий недоуменно зашептался.

– Простите, я, должно быть, говорю сейчас как один из этих надоедливых коммивояжеров! – отсмеявшись, Лаберин утер несуществующую слезу. – Эм-м-м, ну да ладно. Факты таковы, что излишняя скромность тут скорее вредит делу. Наш институт разработал новейшее экспериментальное оборудование, которое позволяет входить в режим осознанного сновидения абсолютно любому человеку. Не важно, практиковались ли вы раньше. Не важно, читаете вы Кастанеду или Дарью Донцову. – В зале раздались смешки, а черноволосый парень с притворным смущением опустил глаза. – Даже если вы пришли к нам впервые, результат мы гарантируем. Я сейчас не говорю о том, что все ваши проблемы вдруг волшебным образом исчезнут. Для этого может потребоваться несколько сеансов. Однако в само осознанное сновидение вы погрузитесь без каких-либо усилий. Но самое интересное даже не это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.